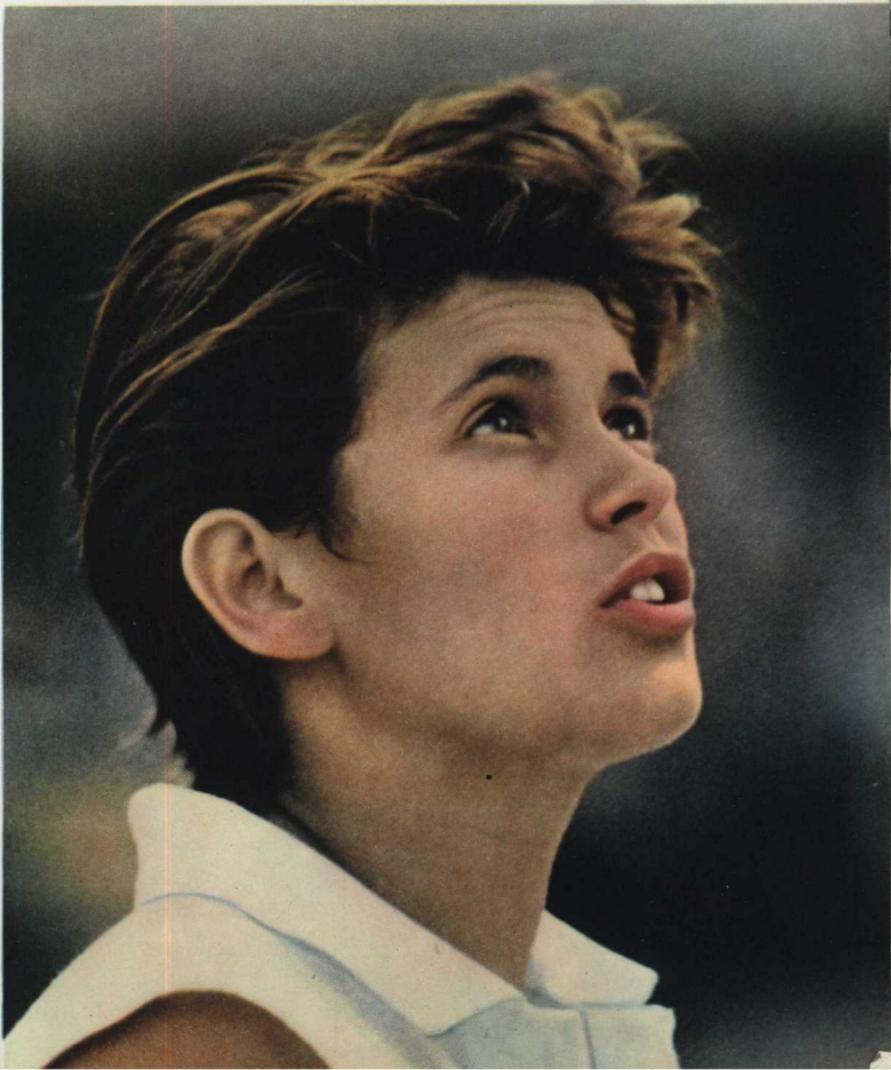

СМЕНА

1960

4

«Откинув крышку люка в сторону, они начали спускаться по узкому пятидесятиметровому колодцу в блок № 17. Там они разрабатывали золотоносную жилу.»

(Из повести ЮЛИАНА СЕМЕНОВА «49 часов 25 минут», которая публикуется на стр. 6.)

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

СЕНТЯБРЬ
1960

Год издания Тридцать седьмой.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ПОРОГЕ КОСМОСА

19 августа 1960 года в Советском Союзе был успешно осуществлен запуск второго космического корабля. Советский корабль, созданный гением наших ученых, рабочих и инженеров, и рабочий, вышел на орбиту спутника Земли. Основной задачей запуска космического корабля являлась дальнейшая отработка систем, обеспечивающих жизнедеятельность человека, а также безопасности его полета и возвращения на Землю. В кабине корабля находились подопытные животные, в том числе две собаки — Белка и Стрелка. После завершения программы миссии первый космический корабль, сделавший восемнадцать оборотов, по команде с Земли спустился со своей орбиты, прошел земную атмосферу

и приземлился в заданном районе. Впервые в истории живые существа, совершив космический полет протяженностью более 700 тысяч километров, благополучно возвращались на Землю. Новая победа советской науки и техники явилась замечательным выражением премущества социалистического строя, вызвала в нашем народе — строители коммунизма — чувство величайшей гордости за свою Родину, глубоко взволновала людей всего мира.

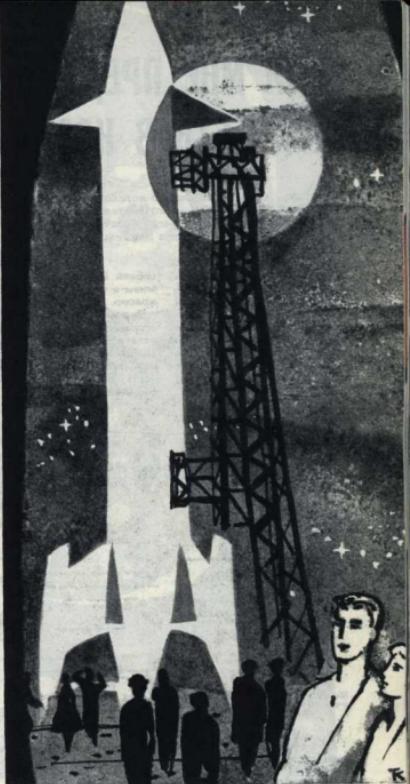
Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР горячо поздравили ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, весь коллектив работников, создавший мощный космический корабль и осуществлявших впервые в истории

полет и успешное возвращение на Землю этого корабля с живыми существами.

«Это выдающееся достижение», — говорится в приказе ЦК КПСС и Совета Министров СССР, — является замечательным научным подвигом советских людей, триумфом нашей отечественной науки, техники и промышленности, великим вкладом в сокровищницу мировой науки и культуры, открывющим новую эру в освоении космоса. Теперь создается практическая возможность для полета человека в космическое пространство».

Человек стоит на пороге космоса. И недалек день, когда он сделает первый шаг во Вселенную.

Мы верим: это будет советский человек!

В СЕНТЯБРЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ
90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО
ПИСАТЕЛЯ А. И. КУПРИНА

В этом номере публикуются
менькоизвестный его рассказ.

Ж РЕН

На стр. 24 вы сможете по-
знакомиться с работами
двух молодых художни-
ков — Юрия Ковали и Га-
ли Эдельман.

ТРАГЕДИЯ ОСТРОВА ОКИНАВА

(Читайте на стр. 14)

Почему альпинизм перестал
быть массовым видом спорта?
Ответ на этот вопрос вы найдете на стр. 26.

Красоты и
Здоровье

ПРОВОДИТ СЕГОДНЯ
СВОЕ ОЧЕРЕДНОЕ
ЗАНЯТИЕ
(Откройте стр. 20)

ЕСЛИ МНЕ ПРЕДЛОЖАТ ПОЛЕТЕТЬ В КОСМОС...

Беседа с кандидатом физико-математических наук Л. В. КУРНОСОВОЙ, руководителем группы по изучению космических лучей Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР

У каждого человека есть паспорт. А вот у нескольких советских ученых, в том числе и у меня, их нет. Второй паспорт был вручен нам в октябре 1957 года на Восьмом международном астронавтическом конгрессе в Барселоне. Он дает право жить... на Луне.

собаки Белка и Стрелка — живы и чувствуют себя прекрасно.

Значение этого события огромно. Первый опыт полета собаки на спутник земли, возвращение из нее на Землю еще раз подтвердил возможность освоения человеком космического пространства.

Шутовские деньги для межпланетных путешествий в пределах солнечной системы и сумочка почтальона другого советского ученый — Алла Генриховна Масевич.

AGENCIA DE VIAJES INTERPLANETARIOS	
Barcelona — Spain	
Sociedad de la D. F. T. — Oficina en 1957	
ADHERIDA AL CLAVEZ FLAMENCO, S. A.	
Dir. LIDIA KURNOSOVA	
RUSIA	
Para informar de que los pasajeros siguientes	
que pertenece de la Tierra para la Luna	
Barcelona, 21 octubre de 1957	
El pasaporte de la Agencia	
INTERPLANETARIO — ALMA	
<i>[Signature]</i>	
LIDIA KURNOSOVA	
Pasajero número:	
Número de pasaporte:	
Número de identificación:	
Número de tarjeta de embarque:	
Número de vuelo:	
Número de pasaporte:	
Número de identificación:	
Número de tarjeta de embarque:	
Número de vuelo:	
Número de pasaporte:	
Número de identificación:	
Número de tarjeta de embarque:	
Número de vuelo:	

Межпланетный паспорт, который был вручен советскому ученому Лидии Васильевне Курносовой на конгрессе в Барселоне.

Еще совсем недавно учёные-астронавты, мечтавшие о полетах на Луну, считались чудаками, фантастами. Ведь Вселенная нехотяно отвечала своим танцем. Все надежды на космическое пространство, «а звездам» от туманностей и планетах на уку черпала только из двух источников: метеоритов — лучей света, испускаемых небесными телами. Они были почти единственными вестниками космоса, приходившими к нам на Землю. Лететь в невизведанные пространства? Нет, это мечта далекого будущего...

Так считалось раньше, так и считают сейчас на конгрессе в Барселоне. Ученые, склонявшие туда со всего мира, с восхищением говорили о запущенном за два дня до открытия конгресса первом советском искусственном спутнике Земли. Все поздравляли нас, представителей советской науки, но даже и тогда очень немногие верили, что меньше чем через три года мы будем стоять на пороге полета человека в космос.

И вот такой день настал. Второй советский космический корабль завершил свой путь по орбите спутника Земли и опустился в назначеннем месте. Первые отважные

тончайшие и безотказные системы управления беззаботно и беспрекословно выполнили и заранее заданную программу и поступающие с Земли команды. Советские ученые преследовали трудную, возникавшую из-за перегрузок в условиях невесомости, при полете сквозь атмосферу, в момент приземления.

Конечно, человек отправится в космос не завтра. Ведь для того, чтобы подняться в небо первый самолет, потребовалось двадцать лет напряженного труда. Правда, теперь, когда техника шагнула далеко вперед, можно скратить.

Однако этот полет будет возможен не в том случае, когда станут очевидно, что космонавт не угрожает никакая опасность. Конечно, уже и сейчас можно было бы попытаться снабдить первых пассажиров механизмами, которые предсторегут их от неизвестностей и позволят благополучно вернуться на Землю. Но, думается, это был бы неправильный путь. Нужно разработать надежную систему приземления, чтобы избежать опасности никем не предвиденной.

Первый опыт показал, что такая бесполаская посадка возможна. Полет и приземление второго космического

корабля прошли безболезненно как для животных, так и для точнейших приборов, на которых даже не пострадала оболочка, полностью сохранившись краской.

Сейчас ученые обрабатывают материал, кораблем,

привезенный из космоса.

Много работы и у нашей группы по изучению космических лучей.

Существует теория о происхождении космических лучей, разработанная профессором Б. Л. Гинзбургом. Эта теория нуждается в экспериментальном подтверждении. Необходимо проверить, из каких ядер химических элементов состоят космические лучи и в каких количествах. Соответствующие соотношения находятся различными группами ядер.

Поэтому на космическом корабле была помещена аппаратура для исследования первичного космического излучения, для исследования ядер в космических лучах.

Эта аппаратура во много раз сложнее той, что была установлена на ракетах и

спутниках. Она позволяет изучить химический состав космических лучей, регистрировать спектр от ядер гелия до ядер кислорода.

Огромную ценность представляет для нас полученная эмульсионная пленка. Космические лучи оставляют на эмульсионной пленке след, который может очень много рассказать об их природе. Но получить пленку удается только в том случае, если корабль возвращается на Землю. И вот сейчас она — в руках ученых, которым и занимаются ее обработкой.

Изучение собранных материалов подсказывает, как надо оборудовать следующий корабль, приближаясь к нему, когда изучать космос становится проще.

Очень большая тяжесть выходит на орбиту и приземления второго космического корабля свидетельствует о том, что такие корабли смогут использоваться и как транспортные средства.

Представьте себе, что вы, жители центральных районов, собирались отдохнуть

на юге. Можно, конечно, покрасить поездом или полететь на самолете, но можешь и отправиться на комфортабельном космическом корабле. Все путешествия [включая моменты запуска и приземления] займут... две минуты! Вы не успели принять в себя изумления, а корабль, заряженный новой ракетой, уже готов к полету. Конечно, это — дело будущего, но можно не сомневаться, что когда-нибудь по расписанию [как и самолеты] космические корабли будут доставлять жителей в различные точки земного шара и на другие планеты.

...Вот уже почти два года лежит у меня дома паспорт на Луну, и я до сих пор не могу воспользоваться им. Потому что ученые, поглощенные работой, не имеют времени. Надеюсь, моим современникам удастся подняться на трапу космического корабля. И если мне предложат полететь в первом корабле, где, кстати, для меня уже зарезервировано место, я, конечно, не откажусь.

КОСМОНАВТ. КАКИМ ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ?

Этот вопрос давно уже перешел на сферу риторики и рассуждений самого общего, а порой и фантастического свойства в области практики. Давно уже страстно ждет человечество дня, когда его представители шагнут в космос. А сейчас на сотнях земных з腋ков повторяют люди одно и то же: это случится в ближайшее время.

Несколько месяцев назад Никита Сергеевич Хрущев ответил на вопрос представителя американской газеты «Лас-Брукс», как выразился корреспондент, человека на Луну: «Забрасывать чело-

века мы не собираемся... Забросить в воду как бы выбросить».

Советский гражданин будет посыпать в космос только тогда, когда будет обеспечена возможность его возвращения.

Блистательный спуск второго корабля-спутника говорит о том, что такая возможность очень и очень приблизилась. Космонавты смогут вернуться на Землю! Но разве от этого меньше опасности? Для подъема из подземелья на поверхность Земли Телловская защита дает возможность космическому кораблю миновать грозную атмосферу Земли даже без перегревания кабин. Хитроумные приборы обеспечивают теплообмен, пи-

тание и дыхание в кабине в условиях невесомости. На примере второго корабля-спутника наши учёные показали, какие тонкости они способны учсть, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность живого организма.

Но есть препятствия, которые не в силах преодолеть сама космическая техника, борьба с которыми в основном возлагается на человеческий организм. Никакие экраны и брони не властны изменить физические законы.

Корабль начинает полёт — и на человеческий организм обрушиваются чудовищные перегрузки. В зависимости от заданного ракеты ускорения тело пилота станет тяжелее втрой, вшестеро, вдевять раз.

Корабль приобретёт нужную скорость, выйдет за пределы земного тяготения, и в кабине наступит состояние невесомости. Потеряет свой вес и человеческое тело. Но ему предстоит еще не раз во время полёта подвернуться перегрузкам: при торможении перед посадкой на другую планету, при возвращении на Землю, может быть, просто при воротах.

В состоянии ли организмы человеческие вынести эти испытания, пройти через них непредвидимые?

На этот вопрос отвечает космическая медицина, младшая сестра медицины авиационной.

Правда, в состоянии невесомости в течение долгого времени находились пока только животные. Исследования показывают, что это не повредило их здоровью.

Человек может находиться в состоянии невесомости лишь короткий врем: например, при полёте скоростных самолётов по параболической кривой.

Гораздо проще оказалось создать и кратковременную и продолжительную перевозку живого организма.

Специальная катапульта выбрасывает человека взрывным толчком, создавая в первый момент многократную перегрузку. С помощью опять-таки взрыва спортсмены вытаскивали по рельсам испытательной тележки. А когда нужно проверить способность человека долететь в космос, его выносили такое состояние, когда он находился в центрифуге. Центробежная сила приносит человека к себе краю. При этом спортсмен весит до тонны! Почему мы скажем «спортсмен»? Потому что все эти испытания лишь раз показали важность для человека хорошего физического развития и спортивной тренировки. Нетренированные люди не справляются с такими режимами изменениями состояния своего организма.

Человек в космосе показал себя с самой лучшей стороны. Лучший раз подтвердилось, как огромны физические силы человека. Ученые-антropологи не

основе многолетних статистических исследований утверждают, что физическое сложение человека улучшается. Люди сейчас в среднем выше, чем были сто или двести лет назад, шире обоях, их мозги больше, мозговые центры. Не случайно туда от гордости перекрываются спортивные рекорды — это свидетельство не только достоинства отдельных чемпионов, но и всего человечества.

Используя богатейшие возможности человеческого организма, специальная тренировка дает человеку силы для преодоления чисто физических препятствий на пути в космос.

Но есть еще одна сторона у этих проблем — психическая.

Любому пассажирам самолёта известно, как, попав из Москвы, скажем, на Дальний Восток, бывает трудно привыкнуть к новому режиму времени. Днем мучительно хочется спать, а ночью человек бодрствует. Еще тяжелее приспособиться к жизни на полярных станциях, где ночь и день тянутся по несколько месяцев. А ведь все эти изменения в условиях жизни несравненно более велики, те, с которыми придется столкнуться первым космонавтом.

В полете нам придется довольствоватьсь тесной — во всяком случае, в первых полетах — кабиной, которую со всех сторон обступают непривычное черное пространство с необыкновенно яркими звездами. Изменится обычный ритм жизни.

Придется иначе, чем обычно, питаться, пить, передвигаться в условиях перегрузки или невесомости. И одновременно придется сле-дить за многоголосными приборами, руководить их работой. Все это вместе становится очень нелегкие задачи перед пилотом-космонавтом.

На Западе всерьез обсуждался вопрос, не окажутся ли эти задачи для космонавта слишком тяжелыми, не потеряет ли человек в таких условиях психическую равновесие и здоровье?

Польский писатель Станислав Висяко видел в нас научно-фантастическом романе «Облако Магеллан» рисунок картины нарушения психического равновесия у большой группы космических путешественников ХХIII века, очарованных бредом. Бред вызван как раз условиями межзвездного полета.

По мнению крупных зарубежных психологов, средний человек на Западе использует свои силы и возможности своего разума максимум на 10 процентов. В нашей стране более многочисленные различия между дают нам новые возможности для использования богатства своей природы.

В космосе это показало себя с самой лучшей стороны. Лучший раз подтвердилось, как огромны физические силы человека. Талантливые, умеющие без

остатка отдаваться любимому делу.

Рядом с недавно созданной космической, медицинской, очевидно, появится и космическая психология. Человек помогут и особые тренировки и укрепляющие первичную систему лекарства. Человек социалистического общества обладает огромным превосходством, которое скажется и в космо-

се — сознательностью, идеальностью. В «Облаче Магеллан» на потрясающих душевном равновесии людей возвращают к исполнению их долга напоминание о жертвах, на которые шли ради будущего коммунисты-подпольщики.

Воля, выносливость, самообладание и многие другие, в том числе и не имевшие в обыденной жизни особого

значения факторы характера и психического склада будут учитьсяться при помощи людей в космосе.

Может быть, и не названные здесь трудности возникнут на пути астронавтов. Но так или иначе, нет места сомнениям в победе человека над ними.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ,
В. САЖИН

Рисунок И. Красавина и А. Тертыши.

49 ЧАСОВ 25 МИНУТ

ПОВЕСТЬ

Когда я впервые увидел Строкача, то сразу же вспомнил о нем из детства. Он был тогда старшим в нашем классе и всегда был самым смешным и веселым мальчиком. Но сейчас он выглядел совсем иначе.

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунок В. Пивоварова.

СУББОТА, 17.20

Бригадир Никита Строкач начал работать в руднике шесть лет назад. И с первого дня у него вошли в привычку, спускаясь в шахту, смотреть через зеркало клети на фианерный постомат. Фианерный постомат, в который влезали вверх так же стремительно, как каски падала в глубину. Строкач очень любил смотреть на него, как называли фианерный постомат. Но когда темнота обступала клети со всех сторон — и сперху, и снизу, и с боков, — он всегда вздыхал, словно конь Строкач, вздыхая, моргнул лицо, на котором засорились ершистые черные брови и длинный мистический нос.

В тот день Строкач вызвал начальник отдела кадров и сказал, ткнув пальцем в высокого сутулого парня:

— Это ты?

Парень удивился Строкачу и сказал:

— Здорово, товарищ бригадир.
В клети парень лихо зацепил карбидку за ноги, выпнув напарника, закрыл и, широко расставши ноги, спрятав руки в карманы спортивки.

— Возьмись за постомат, — сказал Строкач, — качает — опахало испортится.

— Перекривай.

— Дурок.

— Мама не замечала.

— Тебя заметят.

Парень весело рассмеялся.

— Бригадир, — сказал он, — я в шахту третий год лажу. Только раньше я на угле был, а теперь к золотому перебрался.

Клеть ухнула вниз. Она обрушивалась стремительно и с визгом, то и дело цепляясь за камни, выступы в стволе шахты, и от этого дрожали стены, полы, люльки. Люди держались за поручни на ремешках пояса клети, поднимали руки, и поэтому были похожи на племянников. Один только новенький стоял, не поднимая рук, и курил.

— Звотуто как? — спросил его бурильщик Андреяка.

— Меня?

— Нет, начальника рудника...

— А...

Клеть пронеслась мимо сто пятнадцатого квершлага, и яркий свет ударила парня по лицу.

Глаза у него были зеленые, а рот — яркий, резкий, прямой.

— Меня зовут Толиком, — ответил он, когда клеть снова погрузилась в темноту.

— Толиком! — переспросил Ермоленко, добравшийся по последнему год до пенсии. — Ласковое имя, однако, зовут.

— А я ласку люблю, она мне сердце топит. Андреяка засмеялся.

— А фамилия-то как? Ты наш, здешний, или в приводе?

— В приводе. Филиппин мне Петухов.

Хотя Строкач и убеждал, что зовут его Строкачом, Строкач и вытер со лба пот. Он зевал потом, спускаясь в клети. Строкач был голубоглазым, ни один голубятник не скажет плохого слова о Петухах или гуськах.

Клеть завиляла, задергалась и стала. Шахтеры выскоцили на плоскодорожку, запалили карбидки и, растянувшись в пеленку, пошли по рельсам к люку. Откнувшись крышка люка в сторону, они начали спускаться по узкому пятидесятиметровому комоду в блок номер семнадцать. Там они разрабатывали золотоносную жилью.

Первым в колодезь залезал Строкач. Он спускался по лестнице быстро, по-обезьяньи. Его люди лезли тоже быстро. Петухов спускался по последнему, пятому.

— Это... — окликнул его Строкач — Толик! Как там?

— Аху!, — ответил тот, — ничего...

— Смотри!, —

— Не выходят.

— Что?

— Не выходят смотреть-то: электричество нету.

В блок они спустились через пять минут. Блок был похож на большой зал с первыми, плохо подметенным полом. Когда Строкач спустился в блок вперевес, ему сразу же вспомнился пол в краjkовской библиотеке. Во время боев за город Строкач ворвались в гулкое, пустое здание библиотеки: ему показалось, что сюда корчмалы двину в черном. На полу валялись битые кирпичи и штуцертушка с потолка. Книги тоже валялись на полу вперевесе с камнями. Среди книг лежал седой старик в черных нарукавниках. Его голову поддерживал старомодный воротничок. Глаза у него были красные, бледные. На стенах в блоке пестрели живые вороньи. Они сидели на пустых стеллажах и, поклонившись, смотрели на Строкача. Строкач стоял посередине огромного зала, в гимнастёрке, вымазанной красной кирпичной пылью. Он долго смотрел на мертвого старика и на жирных черных ворон. А потом поднял к животу автомат, зажмурился и выпустил несколько коротких очередей в черных воронах.

Сычий, работая, морщился, как от зубной боли, кряхтел и ругался.

Сычий, работая, морщился, как от зубной боли, кряхтел и ругался.

И пошел к выходу, спотыкаясь о куски кирпича, потому что не глядел под ноги, а глядел туда, где раньше был потолок, а теперь зиял синий провал неба.

— Стой! — крикнул Строкач, отшвыривая бурильщиком Сычия. Сычий, отшвырнутый Строкачем, упал на землю, налево от входа в блок.

— Постомат только, не остались ли в по-роде шашки. А то еще рванут.

— Аладжо...

— Ермоленко! Николаич!

— Эхел...

— Ты со мной.

— Ясно.

— Андреяка!

— Вот он я весь.

— Вижу тебе всего, — улыбнулся Строкач. — Выйду к левому колоду. Осторожней, там скользко. Ходить не поломай, они у тебя циничные.

— Аладжо...

— Погоди, который Толик.

— Я Толик.

— Иди на маленькую жилу. Там вода сочится, порты промочить можешь.

— Переожишу.

— Правильно сделаша.

Люди разбрелись по бурильщикам, и шахта, разбросанные к стеллажам блока, освещенная человеческими лица синизу. От этого не было видно глаз. А ведь были только подбородки, ноздри и языки. А когда каждый поднял свою буру и, упервшись штангой в породу, включил ток, стали видны и зубы. Шахтеры и горняки сразу же склонялись, когда бурят. И мордницы на лицах тоже видны. Мордницы ярко-белые, а все лицо пепельно-серое, поничка, а потом коричневое. Чем дальше бурили, тем глубже становился свет карбидок. Со временем буры забыли, этот карбидный свет, словно в комнате после того, как ушли гости, которые много курят.

Строкач, работая, пел. Ермоленко видел, как шевелились его губы.

Андреяка, когда бурил, смеялся. Он всегда смеялся. Когда бригада гуляла у него на дне рождения, Ермоленко спросил у его матери:

— Саша, Филимоновна, а он у тебя ночью только смеется?

Женщина сказала:

— Смеется. Когда Федюто убили, мне по-всюду привезли, я сижу около него почно-то, около. Андреяка, он смеется во сне, и я слышу. Так всю ночь он смеется, и в ревах ре-евах...

Сычий, работая, морщился, как от зубной боли, кряхтел и ругался.

Сычий, работая, морщился, как от зубной боли, кряхтел и ругался.

Сытин быстро подходил к большому куску породы, заменившему стол в блоке, и садился, не разбирая места, тяжело поддавив ноги.

— Идет, разраза, — говорил он и вытирал пот со лба.

«Разраза» было его любимым определением золотоносной породы. Он ненавидел, болото, потому что его отец был изобретатель в поисках золота, и золотую находку называл «разразой». Сытина осталась спиртой. Потом беспомощно. А потом стала жуком. Он вернулся на базаре мяса и хлеба. Однажды он решил открыть «холопека» на базаре его уже знали, а живот посас дваждынной головухи совсем подвял. Ночью на маленькой окраинной улице он нашел на старика. Сытина трясся, и старик тоже трялся, пританцовывая левой ногой.

— Сытина, — прогонял старик, — я тебе все что хочешь отдал, только душу не губи...

Сытина засорил и ударила старика по лицу. У старика было приличное лицо, а под глазами — синие и красные прожилки. После того как он ударила старика, ему показалось, что наступила какая-то страшная тишина. Старик зашатался, жалобно, всхлипывая. Тогда Сытина схватилась руками за голову, заслонила чисто-чисто лицо руками. Он кашлялся на землю, кусал до кости занавес и вилы. А старик опустился на колени и гладил его по спине. А Сытина по-прежнему вала.

— Уйди, — сказал он, — уйди отсюда, гадина старика!

Но старик не ушел. С тех пор Антон Сытин стал женой у него в доме. Старик был естественным Сыногорским скотоквоязистом. По старинному совпадению фамилии у него были две жены, что и у Антона. — Сытины. У старика было две козы, два ружья и большая голубятня.

со всеми. Он долго пожимал Сытину руку, а потом обнял его и поцеловал.

— Ребята, — сказала Андрейка, — охота мне поесть. А то кишка на кишку протокол пишется.

Андрейка выступила в художественной самодеятельности с танцем «Партизан». Он пришел в клуб и спросил руководительницу художественной самодеятельности:

— Здравствуйте, как вас зовут?

Крохотная двадцатистенная балерина ответила:

— Меня зовут Мария Петровой.

— А меня — Андреем Федоровичем.

Мария Петровна засмеялась, оглядев неслаженную фигуру парни и подумала: «Ничего себе чудомаха».

Андрейка покраснела из-за того, что она не могла так смотреть. Он вышел в середину зала, чтобы пригнать и вымальвать ногами такие курьибы, что Мария Петровна тоже двинулась. С тех пор Андрейка стала танцевать у Марии Петровны. Она получала его:

— Двея и еще раз диета. А для вас — еще раз диета.

— Я понимаю, — отвечал Андрейка.

Но когда он привез Марью Петровну в рестораник, балерина чуть не лишилась дара речи. Андрейка съел три бифштекса, мазал хлеб маслом, толщиной в палец, и пил воду с ульбочкой и галантным придыханием. Под землей он ел еще больше. И так же, как и Мария Петровна в блоке, пробуждаемый утренними шинами, криками и стуком. Андрейка набирал полную флягу и выпивал ее до дна. Потом он веселился рыдая, чистя зубы спичкой и начинать рассказывать Ермоленко, который очень любил его слушать, о том, что такой «па-де-мер» и как танцевали при дворе Марии-Антуанетты.

Петухов. Он прошел совсем немного и увидел жибу. Она белела на фоне черной гранитной породы, эта маленькая квадратная золотистая жиба. Петухов стоял на каменях и терялся в том, что лежавшее у него под ногами. Строкач опустился рядом с Петуховым и спросил:

— Что тебе, парень?

Толик Петухов поднялся на бригадира Строкача зелеными осташинами глаза и тихонько засмеялся.

— Ганьи, — сказал он и поднял локоть.

Там, на земле, лежал огромный самородок. Он блестел в свете карбидки, потому что Петухов пристиснул его слюнами от квадровой и гранитной пыли.

— Мой, — сказал Петухов. — Мой камушек. Строкач поднялся с колен и попросил:

— Встань, парень.

— Сейчас.

— Встань, — попросил Строкач. — Встань, Толик.

Петухов поднялся, держа в руках самородок. Он держал его всеми пальцами, прижимая к груди. Петухов смотрел на Строкача и улыбался счастливой, отрешенной улыбкой. Тогда бригадир крикнул и ударил Петухова ногтишь по скеле. Раскинув руки, Строкач упал. Самородок гулко брякнулся о гранит.

Строкач лежал одиноко. Он боился, что сюда подойдет Сытина. И поэтому Строкач повторял шепотом:

— Подходим, Толик, я прошу тебя.

Петухов броском вскочил и кинулся на Строкача, опустив голову. Строкач скользил его за лапкины следочки и сунул в уздечку. И парень упал бы, но Строкач держал его за лапкины.

— А теперь уходи, — все так же шепотом сказал Строкач.

У Петухова затрепетало лицо, и он сказал:

— Я всем по кусочку отдала, но думай... — И тогда Строкач снова ударил парня. Петухов начал пятиться, отступая к краю платформы, пока не упал. Строкач ждал, пока он начнет спускаться вниз, на нижний горизонт, и в 218-й квартал. Петухов начал спускаться медленно и тихо, словно боясь разбудить ко-ги-ибэду. И он все время неотрывно смотрел на Строкача. Когда его голова скрылась, Строкач отшвырнул ногой самородок и пошел к своим.

Андрейка все еще рассказывала про танцы, которые танцевали у Марии-Антуанетты. Он рассказывала слово в слово так, как вчера объявила Мария Петровна.

Строкач присел рядом со всеми и начал жевать сухой хлеб.

— Чего? — спросил Ермоленко.

— С брюхом у него плохо, — ответил Строкач.

Все помолчали. Потом Строкач кашлянула и сказала:

— Ребята, около маленькой жибы — золотое золото. В самородках. Надо его собрать в каски и отщипнуть паверх, чтобы не растеряться. Ты оттаки, Ермоленко, ладно?

— Ладно.

— Доташнишь Там килограмм двадцать.

— Доташнишь.

— А я все-таки не наедся, — вздохнула Андрейка и отломила еще один кусок хлеба. Он густо намазал его маслом, отрезал толстый ломтик колбасы и проглотил. Сытина:

— Кашка, подай соль.

— Чайка, отнеси Сытины, — тихо жалобно сказала Мария Антуанетта сама есть не волт, сам говорит. В шакто можно. Она с пупом выйдет.

Сытина покляла пальчики и протянула ему газетный кулак с солью.

— Нет, — сказала Андрейка, — с рук в руки соль передавать нельзя: поссоримся.

Строкач вдруг засмеялся и сказал:

— Вам можно с рук в руки соль передавать. Вы не поссоритесь.

Андрейка посмотрела на Строкача и тоже засмеялась.

— Ладно, — согласился он, — давай.

И он взял кулак и стал посыпать крупной белой солью красную кровяную колбасу.

Через десять минут после того, как ушел Ермоленко с золотом, Строкач поднялся и пошел к своему буру, чтобы продолжать рабо-

В руслопоты брать золото под землей, Антон Сытина тоже пошел из новависти к дальневосточному металлу. И с первых же дней стал рекордсменом.

— Я его все выбирать хочу, — сказал он, потому что в Кремье орден, — чтоб потомкам не осталось. Они без него обходиться будут. Вон Ильич говорил, что из него уборные делают надо. Я это всенародно одобрию.

В зале смеялись и аплодировали. Только человек, вручавший Сытину орден, не смеялся

Строкач слушал Андрейку, посмеиваясь, а потом, когда тот на минуту остановился, крикнула:

— Эй! Толик, который Петухов! Ты чего там?

Петухов молчал.

— Эй! — крикнул Строкач громче. — Ты что?

Петухов по-прежнему молчал.

Тогда Строкач поднялся и пошел в дальний угол, к маленькой жибе, на которой работал

Парус

О, как мы все
нетерпеливы!
На берегу качаются ивы
Слегка,
А мы уж ставим парус.

Мы так чутки
к порывам ветра,
А он и вдруг и нещадно
Вспыхивает
В широкий парус.

Но часто он надежен,
долгов.

Тогда он нам не
слишком дорог,

И кое-как

Мы ставим парус...

И парус мстит за эти
влюблости,
За нашу драйвость,

за усталость —

И никак

Работата-парус.

На острове
чак

Как иголки, тонкие кловы
Мне нацелины прямо
в глаз.

«Не кружите, чайки,—
кричу я.—
Я ведь, чайки,
не трону вас!

Я к кустам подогнала
лишь лодку,
Не касаясь я ваши гнезда.

Что ж вы, чайки,
дерете глотку,
Распушаете ксером хвосты!»

Чайка, чайка!
Чайка-дикарка!
Клова черные острив!

Очень мигрила птица — чайка,
Но попробуй-ко тронь ее!

Напрасно ли
боянуется
Игорь?

Э. ВИНОГРАДСКАЯ

Люба и Федор пришли на завод
изделий. Комсогор завода Игорь От-
зовез прочитал в Любимых документах:
«Была секретарем ком-
сомольского комитета учени-
ца», — взглянула на маленькую
светловолосую девушку и усмех-
нулась, обращаясь к Федору:

— Что же вы такую малиницу
выбрали в секретари?

Круглое лицо Федора зарделось
румянцем, он смущенно по-
хевел оттрупленными губами, но
не успел ничего ответить, как
Любка стрельнула в Игоря гла-
зами:

— А у вас в секретари в основ-
ном за рост выбираются?

Федор взглянул на длинного,
тонкого комсорга и захихикал.
Самолюбивый Игорь всхлипнул:

— Язык-то у тебя хороши!
— Да, за словом в карман ла-
зить не люблю, — подтвердила
Люба.

И обернулась к своему спутнику:
— Пошли, Феденька? Двухметровостный Феденька
послушно пополз за ней.

— Как баржа за катерком. —

определил кто-то из ребят. — Ну,
держись, Игорь, эта малышка
еще покажет тебе!

И Любка действительно пока-
зала.

Как-то раз перед отчетом о ра-
боте комитета Игорь решил съез-
дить в общежитие к девушкам,
где он был центром. Обычно
же он сам был центром, поряд-
ком, и комсорг считал, что там
особенно ничего делать. Однако
на этот раз «для голачек», как
говорится, он заглянул в похва-
лии девушек: дескать, держитесь,
девчата, и дальше на таком же
уровне, боритесь за культуру бы-
тия! И умчался.

А когда на собрании слушали
отчет Игоря, Любка вдруг подня-
ла руку:

— Можно выступить нашей
бригадой?

И все ее девчата высмыпали на
сцену. «Действие происходит в
общежитии», — объявила Любка. И
скрылась за кулисами. Через се-
кунду она появилась опять, но
уже совсем другая, медлитель-

ПИСЬМО УЧИТЕЛЬНИЦЫ

ная, полная важности. Влезла на
стул, подняла руку: «Здравствуйте, девчата! За сценой загрохоч-
тал барабан. «Боритесь, девчата! Опять барабанный бой. «Держи-
тесь, девчата! Снова грохот. «Помывайте, девчата!.. «Укреп-
ляйте, девчата!..

И Люба смеялась за живота, толь-
ко Игорю было не до смеха.

С этого собрания все и пошло.
Когда летний цех начал отста-
вать, Любка со своими девчатами
пошла к литецам и вынесла
у них в цехе огромную «Благо-
дарность» от трех предприятий,
куда шла заводская продукция.
Литецких ходили, не подымая
глаз. А когда из-за непростор-
ности начальства подсобники
остались без спледожек, Любка
сочинила частушки:

Ой, подруга дорогая,
Что ты бескончишь:
Если фартуков не дали,
Чертежом прикрошись!

Начиняя старые частушки вмес-
то фартуков, девчата пропели

о друзьях товарищах

СКОЛЬКО

ЗАБОТЛИВЫХ

РУК!

...Жизнь Аркадия Виттера спло-
жилась нелегко. Он рано лишился
отца, мать страдала тяжелым
недугом и была прикована к по-
стели. Представитель «Бородянский
образ жизни» где придется спал,
скользя по поездам... Незнавшему
чем бы все это кончилось, если бы не
заметили его однажды
дружины. Они привели
пареня в райком партии. Честно,
без утайки Аркадий рассказал
о своей жизни и попросил
помочь устроиться на работу.

Так он попал в вагоноклесные
мастерские депо станции Брянск-II.
В то время коллективные

Аркадий впервые понял, что у его
новых товарищей есть золотое
качество: любовь к человеку, за-
бота о нем...

Комсомольцы принесли горячее
учебе. Выяснилось, что Аркадий
совсем не учился в школе, пишет
и читает только по слогам.

— Непременно поступишь в

школу! — сказала Лыда Агапова.

Как-то, собравшись вместе, ре-
бята отправились в новый дом.
Аркадий испугалась, увидев на
пороге гостей. В комнате было
пусто: столов две кровати до скла-
нейки... первым только началин
трудовую жизнь, но на что было
пока обзавестись хозяйством...

Но обратным путем Валя Шабол-
диня сказала:

— Надо ему помочь.

Ребята поддержали:

— Обязательно! Завтра же об-
судим, что можно сделать.

Через несколько дней к дому
Аркадия Виттера подошли
Комсомольцы, наполненные веселыми
голосами. Комсомольцы рассказы-
вали мебель, примеряли на Арка-
дия дубинки, рубашку, пиджак.
А он стоял растерянный и взло-
внованный...

В тот же вечер заговорили об
учебе. Выяснилось, что Аркадий

совсем не учился в школе, пишет
и читает только по слогам.

— Непременно поступишь в

школу! — сказала Лыда Агапова.

Аркадий недоверчиво посмотрел

на девушку: «Не шутят ли?»
Но лицо Лиды было серьезным.

— Не примишь ведь... — смущенно
проговорила она. — Как-никак — во-
семнадцать лет. Скажут, поздно-

вато. Учиться никогда не поздно.

Было же желание.

— Поможем? — Конечно! Завтра же начнем

заниматься.

И вот впервые в своей жизни
Аркадий Виттер попал в погоню
школьной инспекторки Лиды Агаповой,
Михаила Махорова и Валю Шабол-
дину с первых дней учебы Арка-
дия установили над ним шифтво.
В свободные от занятий вечера
они проверяли его тетради, помо-
гали решать задачи, вместе учили
стихи. Аркадий успешно зав-
ончил первый класс вечерней
школы.

Перед ним большая дорога. На
ней встретятся немало трудно-
стей, которые потребуют упорст-
ва, борьбы. Но разве страхи
эти трудности, если вокруг столь-
ко хороших друзей?

В. ПЕТРОВ

г. Брянск.

эти частушки на виду у цехового начальства...

В этой озорной белозыбкой девчушке жил неугомонный интерес решительно ко всему на свете. Она отыскивала какой-то необычайный материал для своих политинформаций, подавала самые интересные предложения на заседаниях молодежного клуба, а когда народ успел обсудить новую книгу известного поэта, Любка выступила с тем, что поэт долго ждал ей руку, хотя она раскряпиновала половину его стихов...

А Федор был другой талант: он играл на барабане. В цехе появился свой аккомпанемент, и самодельность расцвела. Федор играл безотказно. Но когда надо было составить программу, обязательство слюб к Любке, и никто не могло заставить его поступить против совету.

Он гордился ее успехами больше, чем сама. Когда Любка сделала удивительный доклад о полуводнинах, Федор громогласно восхитился:

— Не каждый инженер такой доклад сделает!

Его ничуть не смущило, что это слышал добрый десяток инженеров.

А в цехе уже давно заметили, какими воссторженными глазами следят от нее Любкой. Но Федор смущенно отмахивался от шуток:

— Прямо уз... Очень я ей нужен!

Ребята передали это замечание Любке, привела, в нескользкой книжке: мол, Федор и сам признает, что он тебе не нужен, да оно и верно: куда ему до тебя? Так, может, ты поиншилась среди нас другого, более достойного?

Любка, нимало не смущаясь, отрезала:

— Смотри, какие достойные наиншиши! Да он лучше вас всех!

Вскоре Федор и Любка поженились. Им дали комнату в новом заводском доме, прозванным «углом молодоженов».

Однажды Федор привез Любку по магазинам второго, но то, за которое не заведе, и Федор уснул, не дождавшись жены. А когда проснулся ранним утром, услышал, что Любка хлопочет на кухне.

— Ты что не спишь? — удивился он.

— Завтра тебе готовлю... Сни!

— Это еще что? Сейчас же прекрати, слышныши!?

Она послушалась, но как только он уснул, снова взялась за свое. Когда подносе повторилось несколько раз, Федор растерянно попросил:

Дав Любке поинтишь что-нибудь такое... про равноправие. А то у нее какие-то пережитки в этом вопросе...

Игорь подмыслак подхвадищую брошюру, принес Любке. Та фыркнула:

— Я по этим материалам еще три года назад делала доклад о 8 Марта! Книжки, мыль мой комкором, — одно, а жизнь — другое!

Заходя к молодоженам, Игорь обычно вспоминала Федора, как-то и пронеслось в голове: «Отынешка к Любке в это время пронеслось по квартире: подметала, стирала пыль, готовила ужин. Как-то Игорь вышел за нее на кухню и спросил:

— Почему Федор тебе не помогает?

— А я не отстающая, чтобы

мне помочь! Да и не мужское это дело — на кухне голочись. Я как увижу такого парня, что вместо линий картошки чистят, так меня смех разбирает, и только.

— Странно ты рассуждаешь, Любка. Он ведь тоже будет есть эту картошку, отчего ж ему и не почистить ее?

— Хорошая женя этого не допустит!

Любка подхватила стопку вымытых тарелок и исчезла.

Хуже всего было, что Федор мгновенно перешел волочащуюся Любкову «переверсташину», прыгнул к ним и, кажется, находил их довольно удобными. Тогда Игорь сердечно поговорила с Федором. А на следующий день в комитете прибежала злая, красневшая Любка.

— Ты чего это Федор наговорил? Что у нас семья не социалистическая? А какая же она, капиталистическая, что ли? Ты свою семью заводи да там и командуй, а в мою жизнь не вмешивайся, понятно!

Любка схватила из ящика рукоятки в бока, расставила тонкие, кудрявые локти, и беленые пряди вываливались из-под цветастой девичьей косынки.

В покрасневшие Игорь пошел к приятелям, жившим в одном доме с Федором. Их не оказалось дома, и он стал спускаться вниз, как вдруг ему насторожу попалась Любка. Она взирала из магазина. Две полихромные скетки с продуктами отговаривали ей руками. Игорь догнал ее:

— Здравствуй! Давай помогу.

— Сама справлюсь!

Перехватив поудобнее плетенные ручки и зашагала по лестнице.

Снизу посыпалась свист. Игорь глядел на Федора. Тот размахнулся рукой:

— Привет, Гарика! А знаешь, наше «Динамо» програло вчера «Крыльям»!

Игорь не вытерпела:

— Матчи разбираешь, а Любка чуть не целый пуд на себе тащила...

Федор смущился:

— Какой пуд? Она сказала: «Куплю хлеба, картошки, пару абуразусов»...

И, не договорив, понесся вверх, пересекаясь через ступеньки. Игорь немного постояла, подумала и пошла следом за ним. Всю неделю при Федоре, он говорил с Любкой. Федор его поддерживал, наконец-то ему стало все-всесто.

Но эта опустошительная порог, Лобка ураганом обрушилась на него.

Пусть он не вмешивается в свои дела! Она не позволит своему мужу тащиться с кошельками! В своем доме пока что она хозяйка, а если кому не нравится, так нечего и ходить, людей баламутит...

— Ах-ах-ах-ах-ах! — прыгательно танцуя Федор, — Любка, хватит тебе Неудобно же, Любка...

Любка еще раз ругнула Игоря и, всломив, что может сбежать молоко, умылась.

— Ты на нее не обижайся! — Федор синхронически развел руками. — Так поделанье, женская ограниченность!

А Любка все реже и реже появлялась в заводском клубе: не хватало времени. Когда Игорь прописал ее выступить на очередной

литературной конференции, отволндла глаза:

— Я этой книжки еще не читала...

В ноябрь Федор неожиданно выиграл две тысячи. Игорь посоветовал ему купить телевизор. Федор вздохнул:

— Да я бы с радостью! Но Любка не позволяет, хочет, чтобы я и заказал себе новые kostюмы. У меня еще и старый некрасивый. Я понимаю, что для культурного человека телевизор важнее kostюма. Но что с ней поделаешь? Кстати, Игорь, пойдешь со мной в аптеку, поможет выбрать фармацевтическую?

Близился Новый год. То и дело кто-нибудь из энтузиастов прибегал в комитет с очередной идеей на часет программы новогоднего вечера. Бажевка и Федор:

— Есть у меня музыка для оформления. Вот только с текстами загвоздка...

— А ты посоветуйся с Любкой, — предложил кто-то.

Федор махнул рукой:

— Чем там с ней советоваться! Иди к намхураму, — сказал кто-нибудь еще, — А давно ли Федор стоял рядом с ней в этом же кабинете и воссторженно подхватывал каждое ее словечко! Впрочем, разве не сама она виновата в этом?

Игорь решила серьезно поговорить с Любкой. Она выбралась из-под тарелок, когда Федор был в первый смене. Любка возилась на кухне. Но едва Игорь увидел ее, как все планы вылетели у него из головы. Любка стояла у плиты, неестественно изогнувшись, и держалась рукой за левый бок. Игорь заторнулся рукой до ее лба и ахнул:

— Да ты вся горишь! Ложись немедленно!

— А обед?

— Черт с ним, с обедом, Федорка поест в столовой, не умрет!

— Еще чего! — Игорь чувствовал, что ей трудно даже говорить, и все же она упрямо цеплялась рукой за плиту: — Что, у него жены нет, чтобы по столовым шататься???

У Любки оказалось воспаление легких. Она лежала и мучилась оттого, что Федор сам жарил себе картошку, гладил рубаху, кипятил молоко. А он занимался всеми делами, делился и вздыхал:

— Да, плохо человеку, когда у него болезнь жена...

Как-то Игорь запах проводил Любку. Она уже вылезала из постели, но была еще очень слаба. По радио передавали лекцию о любви и дружбе. Любка сонеродично слушала, и в ее синих глазах было что-то малого, мечтательное и вместе чуть зоровое. Прямыми волосами соломенного цвета выбились на лоб. Она напомнила Игорю про Любку, которая когда-то задарила спрашивала его: «А у вас в секретарях в основном за рост выбирают?»

— Всегда самое время! — мелькало голове на Игоря.

Любка, мимо davon хотела поговорить с собой, — начал он. — Ты не обижаешься, если и вымыши тебе кое-что критическое?

На обижусь, — удивленно, но вполне спокойно, сказала Любка.

— Понимаешь, дело вот в том, что ты любишь Федора. Он тоже любит тебя. В общем, у вас счастливая семейная жизнь.

Но, ты меня извини, в вашей любви нет равности. Помни ты хочешь быть слушаемой Федору? Неужели ты считаешь, что в этом заключается настоящая любовь?

Любка засмеялась.

— А откуда ты знаешь, что такое настоящая любовь, Игорек? По радио слышала? Или из школьных сочинений запомнила? Так вот что я тебе скажу: легции для сочинения — одно, а жизнь — совсем другое.

Она села в постели, и ее лицо стало серым...

— Да, Игорь, в жизни все со временем. Поже мы с Федем только воспоминаниями будем, а потом грыз-трава, легко да весело в пот вылеза из него замуж и погибла: он для меня самый близкий, самый родной человек. Никого у меня нету роднее его! И я хочу быть ему хорошей женой. Чем в этом плохого? Федя любит меня, уважает.

— Женская ограниченность!, «Да что с ней советоваться!» — вспомнилось Игорю. А Любка промолчала:

— Вот когда ты женишься, то и твоя жена будет относиться к тебе, как я к Феде, увидишь. А не будет, — значит, плохая из нее жена, только и всего!

Игорь пробровал вразбрать, но Любка не хотела ничего слушать.

Он ушел от нее в полном смятении. Игорь знал, что в гастролях о молодых девушках, которые, выйдя замуж, замыкались в домашних хлопотах, переставали интересоваться книгами, общественной работой. Однако в этом обычно были повинны их мужские превратившие жен в домохозяек. Но тут-то ведь все было как раз наоборот! Если у Федора постепенно стали появляться этикетные обычаи, элегантные, эгоистичные нотки, то это, можно сказать, результат Любкиного петушина. Неужели она не понимает, что с маленькой девочкой становится дурачком, беднее, постоянно теряет ее, за что ее любил Федор? И это у нее называется быть хорошей женой?

Игорь поехал в общежитие, где лежала Любка, — и спросил:

— А как же иначе? Раз любят Федора, значит, и хочет быть хорошей женой!

Хорошей женой... Неужели и они, выйдя замуж, станут такими, как Любка?

Он пробовал говорить с товарищами, но они отнеслись к этому спокойно.

— И чего ты волнуешься? Федор с Любкой живут дружно, никак не ссорятся. Если бы все наши молодожены жили так же!

А Любка стала менее активна, так же это можно понять? Разве любовь не влечет?

Хорошей женой... Неужели и они, выйдя замуж, станут такими, как Любка?

Он пробовал говорить с товарищами, но они отнеслись к этому спокойно.

— И чего ты волнуешься? Федор с Любкой живут дружно, никак не ссорятся. Если бы все наши молодожены жили так же!

А Любка стала менее активна, так же это можно понять? Разве любовь не влечет?

— ...Неужели я и в самом деле напрасно волнуюсь? — спрашивал Игорь в письме ко мне, бывшей своей классной руководительницей. — Может, Любка и в самом деле просто-напросто хороша, а я тревожусь, привнес я ей счастья в чужую жизнь?

А я, конечно, думала об этом, то-варинши! Мне хотелось бы, чтобы именно я, спутница, отвечала Игорю. Это поможет ему. А может быть, и не только ему, но и Федору с Любкой.

Минута — и красно крылья миниатюрный самолет взмывает в бескрайнее небо. С увлечением занимаются авиамоделизмом чертежника Татьяна Азарова и учащийся Юрий Вильман. Весь свой досуг они посвящают любимому делу.

Фото В. Тюнкеля.

Как много интересного, необычного, увлекательного ждет их впереди! На этот раз члены молодежного клуба Кировского района столицы СССР отправились на летний поход на Истринское водохранилище.
Фото В. Санюка.

ШТАТНАЯ ЕДИНИЦА

х двое. Во многом они похожи друг на друга, но и многое их отличает. Один из них чуть скромнее, более спокойен, у одного из членов есть поэтическое экипаже, другой пока считает комиксы. Одни из них имеют профессии, а другие вообще не признают никаких профессий. Они соперники. У них немного разные взгляды на жизнь, хотя в общем-то они склонны. И сближают их то, что делают они дело очень большое, очень хорошее и нужное.

Одного из них зовут «Активист», имя другого обычно, представлено никнеймами «КМК». Пока они первые, кто начал работать в определенной степени «исполнительское явление. Но они не честолюбивы. Наоборот, они мантят о том, чтобы из исключительного явления стать явлением самым обычным и повсеместным.

Речь идет о двух молодежных клубах — «Активистах» и «КМК» (Кировский молодежный клуб). Оба они созданы комсомольцами Москвы — один в Кировском, другой в Ленинградском районах столицы.

ОФИЦАНТЫ-ДИЛЕТАНТЫ

Первый раз Сергей «прогорел» по юбкам. Тогда шла война, и пять его подчиненных не успели получати- дены, откупорить бутылки, раздавать пирожки, булочки, конфеты. Потом вся вырука была сплошена «до кучи». Тогда-то и обра- зовалась недостача. Сергей растерялся, перебрал изматые десят- ки, трешки, рубли. Как ни крути, шестидесяти рублей нет. «Дурак», — в сердцах ругал он себя, — тоже... официант-любител...»

Это было важно, очень важно — научиться быть официантом. Само- детально, конечно, самодельный оркестр — все это не новость. Но самодельный буфет! Само- детальные официанты!

Сергей знал, какая мука связы- ваться на вечерах со штатной бу- фетчицей. Она и приходит, когда не нужно, и уходит в самое непод- ходящее время. Но самое главное: принципы клуба «Активисты» не допускали и мысли о какой бы то им было штатной должностной. А они были превыше всего, прин- ципы клуба «Активисты».

Буфет. Ему готовы к воспи- тательной его готовят, то это — дело очень ответственное. Если говорить о том, что творилось на много- венных вечах в буфетах с продав- цом-профессионалом... Если говорить об окружках, пустыне полите- ровках под столиком, о ругани... Сергея бросил измятую пачку кредиток в стол. Да, он шалил! Да, он дилетант! Профан! Но все-

таки в чем дело? Почему он прогорел? И тут его осенило. Всё дело в том, что торговали пирожками, а курюю было одното. Конечно, пятерым, труднее, чем одному.

Недостача в тот раз воспомини- ребята из актива сложились между собой, собрали. А Сергея Михеенков, сантехнику по специальности, продолжал заведовать буфетом в «Активистах». Он снова прогорел. Но не сдавался. И как-то решил: надо рискнуть! Раньше он торговал, как обычно торгууют в буфетах. Столы за стойкой и по- лучал деньги. Заводили деньги — берут товары. А тут если расстать- ся на столах бутылки с лимонадом и десерты, тарелки с бутербродами, пирожные, конфеты, а самому... уйти! Ну да, уйти. Пусть каждый берет, что хочет, а деньги оставляет на столе. А почему в самом деле, не рискнуть? Ведь игра стоит свеч! Тогда и буфет может стать средством коммунистиче- ского воспитания. Сергей рискнул. Получилось. Правда, не блес- тащие на первых порах, но получилось. А потом... потом к Сергею привела большая удача. Это действи- тельно было бомба! И не одна хо- тя и выглядела она красавицей обыденно. Просто и буфет верну- лись три паренека. Сергей даже фамилий их не помнит, знает только по именам: Борис, Слава и Иван. Они именно вернулись в бу- фет, сели за столик и сказали сум- мущенно:

— Знаешь, мы тут сидели, толь- ко заплатили забыши. Дай-ка еще пару бутылок...

Ребята выпили две бутылки крем-соды, расплатились за все и ушли. Борис Сергея сами распоп- лались в улыбку. Да, ради этого стояли они в буфете.

Так Сергея Михеенков, сантех- ник по специальности, стал буфет- ником-любителем.

«КМК-СТУДИЯ», «КМК-ДЖАЗ», «КМК-ФИЛЬМ»

Знайте, сколько нужно платить массовикам-затейникам за проведение одного вечера! Триста рублей. А оркестру? Мало-малыши прыничный эстрадный оркестр за три часа танцевальной музыки за- прашивали не менее 400—500 руб- лей.

Ребята из «КМК» могли, конечно, обходиться услугами самоделя- тельного массовика. Могли насле- сколотить и самодельный эстрадный оркестр. Но есть в «КМК» одно золотое правило: то, что делают сами, пусты будет самого высшего качества. То, что мы ор- ганизовываем в самодельном порядке, пусты будет профессио- нально. Профессионально в самом лучшем смысле этого слова. Если

массовик, то не какой-нибудь зат- тейник типа «два призрака — три притона», а настоящий организа- тор отдыха, человек с чувством юмора, со вкусом. Если уж эстрад- ный оркестр, то не какой-нибудь «любительский шумовой», а на- стоящий, не хуке, членом, как Карела Влака и Олега Лундстрема!

Именно поэтому одним из первых дел «КМК» была организация секции общественных профессий. Это своего рода институт с двумя факультетами: культурным и бытовым. Первый готовил специалистов-массовиков, второй — общественных распространителей книги. Срок обучения — 4 месяца, первый выпуск — 25 дипломирован- ных массовиков — поступит в распоряжение клуба. Да, они первые получат дипломы «КМК». Кто знает, может быть, эти дипло- мы будут цениться не меньше, чем институтские!

Труднее было с оркестром. По- пробуй найди оркестр, который бы был не хуже, чем оркестры Влада и в то же время не будет бесплатно. Получилось. Правда, не блес- таща на первых порах, но получилось. А потом... потом к Сергею привела большая удача. Это действи- тельно было бомба! Кто-то из хо- тя и выглядела она красавицей обыденно. Просто и буфет верну- лись три паренека. Сергей даже фамилий их не помнит, знает только по именам: Борис, Слава и Иван. Они именно вернулись в бу- фет, сели за столик и сказали сум- мущенно:

— Да ужарной установкой сидел и самозабвенно стучал палочками полный добродушный парень с ма- ленькими усиками. «Так ведь это Мишка Цыбулька, наш техник по ремонту!» — удивился Марк.

Тогда Марк Дубойский и за- тащил ребят из заводского оркестра в «КМК». Начали было положи- ко, и скоро в оркестр «КМК» ста- ли приглашать для выступлений на открытых дверях заводского крас- ного уголка стук барабана — чи- пали палочки тамперементно отби- азили танцевальные ритмы. «Радио- передачи», — подумал Марк и за- глупил в дверь.

Зато ударной установкой сидел и самозабвенно стучал палочками полный добродушный парень с ма- ленькими усиками. «Так ведь это Мишка Цыбулька, наш техник по ремонту!» — удивился Марк.

У нас... — улыбается дирижер,

он же руководитель «КМК-джаза»

Виктор Михаилов — по составу ор- кестр такой же, как и в Владе. Ну,

само собой, по технике мы им уступаем...

Зато молодость, задор, энтузи-

азм оркестра «КМК» может по- званивать любой профессиональ- ный коллектив.

Отромные преимущества дали «КМК» своей танцевальной оркестру, свои курсы мастерства, киноклуб, рабочий кружок «Золотую жезл» ста- ле разрабатывать дальше. Член правления «КМК» Володя Сребри- ников взялся за организацию драматического коллектива. Так возникла «КМК-студия», которая сейчас, как профессиональный театр, поехала на гастроли на це- лину. Даже режиссер театра и тот настасий — ведь Володя Сребри- ников работает режиссером во Всесоюзном комитете радиовеща-ния и телевидения, расположенным в Кировском районе. Набирает си-

лы и «КМК-фильм» — киностудия, пока располагающаяся только лабо- раторией и энтузиазмом, но не со- бирающаяся уступать своим со- братьям.

МЫ И БАБКА КАТИ

На щитах странствующих ры-цер- редов гостей были изображены слова, ради которых рыцарь го- ворил скрестить копье и меч с тем чтобы угоди и когда угоди: ры- царский девиз, святая святых. Де- визов было столько же, сколько странствующих рыцарей, и все они были разными.

На щитах «Активистов» и «КМК» девиз один и тот же. И за него они постоят не хуже, чем все странствующие рыцарство, вместе взятые. Вот он, этот девиз: «Толь- ко самим».

На щитах, великие идеи приходят в голову совершенно случайно. Архимед такая идея пришла в голову, когда он занес в переполненную ванну, Ньютона — когда он увидел падающее яблоко.

Идея создания «Активистов» при- шла в голову ребятам-строителям, когда выяснилось, что для выделенного Дому культуры строителей добавочного помеще-ния не хватает штатных «культиваторов единиц». Тогда-то и решено было придумать для каждого из этих единиц. Идея была им одна штатной единицей. То, что поздней осенью 1959 года начинялось из-за того, чтобы «вне пролада помеще-ния, кончились тем, что слова «только самим» стали девизом, принципом работы. И единствен- ным штатным лицом в клубе сей- час является сторожка бабка Ка- тя.

По ironии судьбы история созда-ния клуба «КМК» — прямой противоположность истории «Акти- вистов». Ребята-комсомольцы из Кировского района — Москвы — Марк Дубойский, Катя Татарнице- ва, Саша Филиппов — вынашивали идею «шестнадцатого» клуба не сколько лет. Заговорила заключа- лась в одном: не было помеще-ния. И только совсем недавно, в апреле этого года, удалось «выр- вать» помещение, и то не совсем «своем»: Дом культуры энергетиков на Рашукской набережной со-гласился предоставить свои ком-наты для клуба.

Тогда-то и заварилась всяко- машина» комсомольской выдумки, находчивости, инициативы. Как-то само собой получилось, что «КМК», буквально еще не успев родиться, уже работал «на полную катушку». И хотя он был создан на полгода позже «Активистов», общим у них был только девиз. Формы, принципы их работы во многом отличны друг от друга. Но прежде, чем говорить об этом, хочется рассказать о

одна — энтузиазм

главном, что, в сущности, и делает «инициативность» клубов такой привлекательной.

НЕ ПО ПРАВИЛАМ, А КАК ЛУЧШЕ

При наличии усердия можно наладить безуказанныйную работу клуба в «показательном» смысле этого слова.

Можно организовать «сеть» кружков — от кружка рукоделия до кружка высшего пилотажа, охватить этим требованиями возможно большее и упростить проводить занятия кружком в клубе, ставя крестики и черточки в графике «посещаемости».

Можно наладить цикл лекций, безуказанный по тематическому подбору, и долго и нудно «проводить лекции» в теплые летние вечера.

Многое можно.

Но далеко не все нужно. И ребята из «Активиста» из «БИМК» знают это. Всё, что первый случай, когда в конце июля в «Активисте» шел вечер отдыха, посвященный чехословацкой литературе. Молодая девушка-лектор из Общества по распространению политических и научных знаний делала исторический обзор, а ответственная за лекцию Алла Смолина ходила по коридору и кусала губы:

— Ведь я же просила ее, просяла...

— В чем дело? — понималась она.

— Да я просила лектора говорить не больше пятнадцати минут! — сердито выпалила маленькая энергичная Алла. — А она расстягивает на час. В зале зевают...

Вот оно, в зале не должны зевать! В «Активисте» не проводят мероприятий, а веселятся, не «организуют» отдых, а отдыхают. Взять хотя бы кружки: они ведь очень интересны! А как же кружок по изучению чешского и словацкого языков, кружок теории автомобиля, клуб девушек, где можно научиться готовить, правильно одеваться, со вкусом обставлять комнату, кружок культуры!

Но идет лето, и совет клуба решает: отменить все кружки, кроме туристского! Летом, долой из душных помещений, на Истру, на Сенеку, с рюкзаками и письмами!

И Сергей Михеенков, организатор буфета, теперь уже «хозяин» туристов, готовит маршруты, инструктирует группы.

Такое самое в «БИМК». Секции этого клуба не менее интересны, чем в «Активисте». Тут и студия любителей музыки и филателисты, и изостудия, секция молодой хозяйки и секция молодых позотов, кинофотосъемка, эстрадный коллектив. Но летом основную работу ведет Турристский клуб «БИМК». Катя Татаринцева и Марк Дубойский — первые запланировали туристские походы, воскресные спортивные и слеты. И вот удивительно, что в «БИМК» — полностью, кроме кружка «БИМК» — поклоняется огромной популярностью в районе: ведь это именно та форма отдыха, при которой не нужно тащить людей на «мероприятия» — молодежь сама решается на походы.

Не придерживаться слепо окончательных форм клубной работы, а организовывать отдых молодежи с учетом конкретных условий, если нужно, создавать свою, новые формы работы; работая об одном: чтобы отдых был веселым,

содержательным, увлекательным. Это не правило. Это просто моя попытка сформулировать эту работу «БИМК» и «Активиста». Суть работы — это неистощимая выдумка молодых парней и девчат, неутихающая страсть к жизни.

— Вы не останетесь здесь? — весело спрашивает у нас Валя Петрова, председатель совета «Активиста».

— Останемся, — на всякий случай отвечаем мы, еще не понимая, в чем дело.

Оказывается, те, кто хоть раз побывал в «Активисте» — пусть просто случайно, — в большинстве своем уже не могут рассстаться с клубом. Как-то в «Активисте» привезли по заданию ДСО «Крылья

Советов» два инструктора по туризму. Пришли инструктировать, а остались... в активе клуба. Таких «оставшихся» в «Активисте» сейчас много. Много и в «БИМК». И это, пожалуй, самый радостный, самый важный итог работы двух молодых клубов.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Говорят, что цель оправдывает средства. Допустим. Для достижения хороших целей плохие средства вряд ли подойдут. Для «БИМК» и у «Активиста» одна цель. Но средства... Вернее, не средства, а пути, которыми они идут, различны.

Разница здесь не только в исто-

рии создания клубов и не только в том, что во главе «Активиста» стоит совет клуба, а во главе «БИМК» — управление, объединяющее по интересам разные «камоды» клуба и называющие по разному: студии и секции — в «БИМК» и кружки — в «Активисте».

Разница, и немалая, еще и в другом.

В самом начале этого рассказа говорилось о первых неудачах буфетчика-любителя Сергея Михеенкова из «Активиста». Стоит добавить, что и многие другие внештатные должности членами этого клуба осваивались с трудом. А вот в «БИМК» решение этих вопросов — совсем не затрудняет правление клуба. В чем же дело?

«Активист» — клуб, организованный по профессиональному признаку. Это — добровольное объединение молодых строителей.

«КМК» — клуб, организованный по признаку территориальному. Это — добровольное объединение молодежи Кировского района на Москвы.

Какие преимущества дает тот или иной принцип клубной работы? Давайт посмотрим.

«Активисту», для того чтобы подготовить руководителей кружков, работников для будущего же буфетчика, приходится подбирать этих «специалистов» из ребят-строителей. Так, Тамара Кулакова, электромонтер СУ № 3, стала организатором художественной самодеятельности и оркестра; рабочий-строитель Ким Жаронов стал билетером и контролером; уже известный нам Сергей Михеенков — буфетчиком.

Для «КМК» этих трудностей не существует. Надо организовать театральную студию, «кастинг-дом» и помочь приходить комсомолцы Кировского района Володя Сребинский и Слава Холопов, работающие режиссерами в Радиокомитете, который находится в Кировском районе. Оба они, кстати, избраны членами правления клуба. Надо наладить работу буфета — и за дело берутся Валя Маркелова и Валя Ефимова из треста столовых.

В Кировском районе, где много организаций, обучающих молодежь свящоземельным профессиям, гораздо целесообразней создать общегородской клуб, объединяющий молодежь всех профессий. А «Активист»? Он расположен близко к окраине Москвы, где много строительных объектов. Недалеко от клуба — два больших общежития строителей.

Однако это отнюдь не значит, что клуб «Активист» открыт только для строителей. Его двери распахнуты для всех желающих отдохнуть весело, интересно, содержательно.

Может быть, обомни клубам стояло бы перенести кое-что друг у друга. Комсомольцев-кировчан, безусловно, заинтересовали бы и школа автодела и кружок по изучению иностранного языка, такие, как в «Активист», а строителям, видимо, пришлось бы по душе такие секции «КМК», как кинопотолюбители и московские сквошисты.

И все же главное то, что разделяют эти два клуба, а то, что делают их. Это — веселье и задор. Это непринужденность и разнообразие. Это наш комсомольский, интересный и содержательный отдых.

Ан. РОМОВ

Летом никто не хочет сидеть в душных комнатах. Куда лучше здесь, на туристических тропах. Подмысновы!

Слева:

Техник по ремонту Максим Цубельин и инженер Игорь Крайнев на конференции «КМК-диаз». Невероятно!

Ребята из «КМК» буквально затянули Валерия Сниявского на свой туристический слет. Но, как видите, ни он, ни они об этом не жалеют.

Вечером, когда садится солнце и еле шуршат камышы у берега, на Истре особенно хорошо. И этим двум надо запомниться тихий подмосковный вечер.

Сергей Михеенков, недавно избран Членом совета клуба, обсуждающие планы веселого отдыха, не принял его предложение всерьез. Ибо это не на шутку обескуражило.

Самодельный буфет обслуживает своих клиентов.

До позднего вечера светятся огни в клубе «Активист». Поневоле, проходя мимо них, хочется зайти «на огонек», повеселиться, потанцевать вместе с друзьями.

«О ржавых гвоздях и рабочей чести» — так называлось опубликованное в № 11 «Смены» открытое письмо бывшему комсомольцу Митрофану Михайлову, который по собственному желанию перестал платить членские взносы и демонстративно выбыл из комсомола. Причиной этому послужила.. комната в новом доме, в которой отняли Михайлову, так как на шахте № 12 треста «Киселевскоголь» были

рабочие, нуждающиеся в жилье больше, чем он. «Какая мне польза от комсомола! Не дают комнаты — не буду платить взносы», — решил Михайлов. — На эти деньги лучше купить гвозди...»

История Митрофана Михайловна извлечена многими читателями «Смены». В редакцию поступают десятки писем из разных уголков нашей страны. Вот некоторые из них.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«О ржавых гвоздях и рабочей чести»

Прочитав статью «О ржавых гвоздях и рабочей чести», в которой рассказывалось о персональном деле Митрофана Михайловича, я решил высказать свое мнение по этому поводу и через журнал кое-что посоветовать Митрофана.

Дело в том, что персональное дело Михайловна — это повторение моего личного персонального дела. Ошибки Митрофана — повторение моих ошибок. Два года назад я тоже был исключен из комсомола.

Вот как все было.

В 1956 году я приехал в Кемеровскую область, на одну из крупнейших стройки Сибири, Томскую ГРЭС. Впечатление от всего увиденного было отрицательное. Страна большая, дед впереди многое успел, строительства рядом не было, потому что строили самим на голом месте, жили в палатках. На стройку приезжала в основном одна молодежь, люди горячие, задорные. Комсомольская организация стройки насчитывала около 900 человек. Я, комсомолец с 1949 года, до этого все время был в гуще общественной жизни, поэтому решил не отставать и здесь. Я участвовал в воскресниках по сбору металолома, в выписке стенной печати, совместно с секретарем комсомольского комитета стройки организовала выпуск сатирической газеты «Крокодил» и фотографии. Изделия эти и выступали в лекциях в клубе, помогали устроить вечеринку художественной самодеятельности. Одним словом, работал везде, и работал с душой, с огоньком. Все шло как

будто хорошо. Мне оказали доверие: избрали членом горкома комсомола.

Но вот летом 1958 года я был же, как и ты Митрофан, «обобщен» на комсомольскую организацию. Были определенные причины, которые тоже связаны с квартирным вопросом. Комсомольская организация, холода-таймы, а предстояла квартира в первую очередь, что потом было учтено, и квартира я получила.

Но я не хотел ждать полтора месяца и решил, что если комсомол мне помог, то зачем же я буду работать для комсомола. Я не стал посещать собраний, принципиально не являлся на пленумы горкома, не приводил и на заседания комитета комсомола. Меня вызывали на бюро, хотели поговорить со мной, но я этого не хотел. Я считал, что я и без тебя обходился, а тебе я без меня обходился. Поэтому я твердо был убежден, что меня строго не накажут: ведь у меня столько заслуг! И вдруг случилось следующее: вызывали меня сразу из бюро горкома комсомола. Секретарь комитета доложил всю обстановку (а члены бюро почти все знали меня лично), и вдруг единодушное решение: «За сознательное инигрование дел комсомольской организации, за отрыв от комсомола и невыполнение Устава и ВЛКСМ исключить».

Правильно ли поступило бюро горкома комсомола? Да, хоть и жестоко, но принципиально. Я не имел никаких причин так беспечно бросать вызов целой комсомольской организации.

Но что было дальше?

Ты, Митрофан, пришел и спокойно спал ночь, а потом сдал свой комсомольский билет. Я этого не сделал. Я считал, что я был и буду комсомольцем, будущим холода-таймом, чтобы решения были перенесены на меня вновь, восстановлен в комсомоле. Да, я не спал эту ночь. Не так легко было принять и сдать билет с извинениями Ильи.

И вот после разбора персонального дела в первичной комсомольской организации, а затем на бюро комитета стройки бюро горкома пересмотрело свое решение.

За это время я многое понял и осознал. Хочется тебе посоветовать, Митрофан, сказать кое-что на будущее.

Ты ушел от комсомола, от молодежи, а ведь в тебе еще вся жизнь перед тобой и жить тебе придется все равно с людьми. Но прошу тебя, погуляй, погуляй, нет никакого смысла. Нужно теперь же в труде и в общественной жизни доказать, что ты тот же Митрофан Михайлов, тот же активный товарищ и комсомолец.

Скажу тебе, что выговор, который мне вынесли при пересмотре решения бюро, с меня уже снят за активную работу в комсомоле. Сейчас я готовлюсь вступить кандидатом в члены КПСС.

Выходи на правильный путь и ты, Митрофан.

Желаю успехов.

В. КОЗЛОВ

г. Красноярск.

Митрофан
прав

Митрофан вступил в комсомол с открытым лицом. Он, не щадя жизни, бросился в огнь, чтобы спасти социалистическое добро. Он везде был впереди, он ходил с красной повязкой, хранил общественный порядок. И вдруг Митрофан стал «мертвой душой». Что случилось?

Дорогой автор, загляните получше в душу Митрофана. Видно, плохо вы его знаете. Что должен был делать Митрофан, не имея квартиры? Выходит, он рано обзавелся семьей? Митрофана помогали только слова, а делом — никто.

Краснодарский край,
свобод «Подгорный».

И. ШВАСОВ

Мне не давались

Я однажды сканку Михайлову: он еще не понял жизни, он не знает, за что борется, если он так трусливо отказался от комсомольского билета, от рабочей чести.

Мы сейчас трудимся на стройке Казахстанской Магнитки. Если бы ты знал, Михайлов, сколько здесь молодежи, и почти все комсомольцы...

Они тебе скажут, что закончили домину и дали первый чугун на шахте Родине. Их подарок в честь сорокалетия Советского Казахстана!

Когда я вступил в комсомол, я знал, что мне придется очень трудно. Я сейчас исконно комсомольский билет: в то время мы западные Украины шла борьба за колхозническое производство.

Как-то меня разини кинули в левое плечо. Но мы не сдавались, мы шли в каждый дом и в каждый двор. И у бандитов-бедородцев ничего не вышло, народ понял, что его лишь пугают, и взялся за дело, а те, кто мешал нам, были сметены.

Михайлов, если ты мог бы доказать, что ты не «мертвая душа», что у тебя душа настоящая, это было бы по-нашему, по-комсомольски.

г. Темир-Тау.

Николай ГЕТМАНЧУК

Мое
мнение

Письмо в редакцию я пишу впервые и не знаю, насколько правильным оно будет.

Я прочитал открытое письмо «О ржавых гвоздях и рабочей честности». Оно взволновало меня. Как же получилось, что Михайлов отошел от общественной, комсомольской работы и сделался себялюбивым одиличником человека? В этом, по всей вероятности, виновны его товарищи по работе, которые не смогли своевременно указать ему на ошибки в его поведении.

Даже теперь, если Михайлов все осознал, понял свою вину, не так-то легко завоевать прежнее доверие и авторитет у товарищ. Быть снова комсомольцем он, на мой взгляд, пока недостоин. Но стремиться к этому должен. Таково мое мнение.

Александр КОСТИН

г. Киев.

M
“МОСКВА,
“МЕНЕ”

Были или были

Пожигают по-нашу же сплошь

Раза дом дороже комсомольского билета?..

Нет письма.

В этом, товариши Михайлов, вы и ошибаетесь. Вы, конечно, помните роман Фадеева «Молодая гвардия». Вспомните, как комсомолцы сражались во время Великой Отечественной войны. Если рассудить по-вашему, они тоже могли бы поменять свой комсомольский билет не на дом, а на гораздо большее: на жизнь. Но они этого не сделали.

Вы, товариши Михайлов, не должны обижаться на это письмо. Вы, наоборот, постарайтесь исправить все свои ошибки, которые были допущены вами.

До свидания, надеюсь, что вы исправитесь.

Тюбебея Нургул

г. Фрунзе.
с. Кызыл-Аскер.

НОВЫЕ МАШИНЫ ВЫХОДЯТ НА ДОРОГИ

Новые грузовики Московского автозавода имени Лихачева внешним видом, оформлением радиатора и кабины, пожалуй, не уступают современным легковым автомобилям. Приближаются они к легковым машинам и по качеству двигателей. Для них уже не годится второсортный бензин. Для V-образных и восемьцилиндровых двигателей новых «ЗИЛов» разведена мощность в 138 лошадиных сил, требуется бензин высокого качества.

На первом снимке вы видите машину «ЗИЛ-130Г». Ее грузоподъемность 4 тонны. А ниже — «ЗИЛ-130В» с двигателем 150 лошадиных сил. В его кузове-вагоне может уместиться до двенадцати с половиной тонн груза. И еще одно ценное качество есть у этой машины: скорость ее 85 километров в час.

Начал выпуск новых машин и Министерственный автомобильный завод. Преобразился знаменитый работяга — милицейский самосвал. Ставясь милицейским, его двигатель разместился в кабине. Зато увеличился кузов. Он стал более удобным и емким: в него можно погрузить 7 тонн.

Как видите, «МАЗ-500» отличается от самосвала «МАЗ-503» лишь кузовом. Грузоподъемность его на полトンны выше. Скорость он развивает 75 километров в час.

стя его на истинный путь. Я не защищаю Митрофана Михайловса, нет, я осуждаю таких комсомольцев. Нужно вести повседневную, решительную борьбу против всякого сбоя, который мешает дышать нам чистым воздухом, который засоряет его атмосферу своим поведением, своими поступками. Но это не значит, что нужно исклучать из комсомола всех подряд.

Мне хочется верить, что Михайлов правильно поймет свои ошибки, самокритично подойдет к себе и найдет свое место в жизни. В этом ему поможет коллектив. Комсомольской организацией шахты № 12 треста «Киселевскогоуголь» нужно вести свою работу так, чтобы с каждым днем ширились и крепли ее ряды.

Радовой В. ТИМЧЕНКО
г. Ташкент.

Плоды американской «цивилизации» на Окинаве.

Фото Джапан Пресс.

ОКИНАВА—АМЕРИКА

В итриной свободного мира называет Окинаву американская буржуазная пресса. «Юрьем для 800 тысяч человек «эзон» беззакония, геноцида и зверства на островах в Японии. И то и другое верно. Верно потому, что фантастическая, воцарившаяся в логоруши инцидента крестьян Окинавы, эксплуатация рабочих, отсутствие каких бы то ни было прав у населения острова — это действительно тот мир, который на Западе лицемерно именуется «свободным».

С лет назад в одной из бухт Окинавы, в порту города русский фрегат «Павладор». В чписах пассажиров «Павладор» находился знаменитый русский писатель Иван Александрович Гончаров. Окинава представилась ему «видимой, брошенной среди бесконечных вод Тихого океана». «Возделанные поля, чистота жизни, скромность, добродетель, глубина мир между людьми» — все свидетельствовало, что жизнь доведена трудом до крайней степени материального благосостояния», — писал И. А. Гончаров. — Помимотр, что будто дальше, Ужели новая цивилизация тронет и этот забытый древний уголок?

«Новая цивилизация» в лице американской империи Окинава — главный остров архипелага Рюкю. За два дня до прихода на остров фрегата «Павладор» оттуда ушла американская эскадра во главе с коммодором Перри и оставила бумагу, в

которой уведомлялись суда других наций, что «юни (американцы) взяли эти острова под свое покровительство... и потому просят других не распространяться».

Сейчас же, чтобы Окинава распоряжалась только Соединенными Штатами, не случайно. Если верить американскому журналу «Саттердей Нининг пост», то именно Перри первым без всяких околичностей указал на исключительно важную роль Окинавы в «будущем столкновении с Россией». Реакционные круги США пришли к единому мнению: «Окинава сооружено 30 белых и малых военных аэропортов, способных принять бомбардировщики с атомными водородными боеприпасами, а также 200 плющиков для запуска управляемых снарядов «Хок», «Файрак», «Мэйкс». В порту главного города острова — Наха базируются корабли седьмого флота Соединенных Штатов Америки.

С какой же целью Соединенные Штаты превратили Окинаву в «Дальневосточный Гибралтар», затратив на это 2 миллиарда долларов? На этот вопрос ясно отвечает бывший командующий войсками Соединенных Штатов на Окинаве генерал Джеймс Мур.

«В цепи островов Рюкю

имеется 42 острова, которых достаточно велики для создания там станиц управления, снаряды», — говорил Джеймс Мур. — Управляемые снаряды с дальностью действия в 500 миль могут охватывать побережье Китая и Гонконга до Шанхая. Управляемые снаряды с дальностью действия в 1500 миль могут охватывать широкую дугу от Бангкока до Владивостока. Здесь можно разместить войска и создавать запасы оружия, не к чему ни консультируясь».

Как же «не консультируясь» если на Окинаве расположена Япония — спросите вы. Семьдесят процентов территории острова и 50 процентов пахотной площади отдано у крестьянам американским «суперитетом над островами», но распоряжаются там Соединенные Штаты, по настоянию которых острова в 1952 году были переданы под опеку Организации Объединенных Наций с «Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти».

В тексте нового японо-американского военного договора, с огромным трудомratificirovannym в июне 1960 года, ни слова не говорится о сроках возвращения Японии островов Рюкю. Если же судить по многочисленным «разъяснениям» сути нового договора японским специалистам, то становится ясно, что Соединенные Штаты намереваются усилить свою управление на Окинаве и других островах архипелага.

Что же принесла американская «цивилизация» народу Окинавы? Об этом хорошо сказал герой трагедии японского писателя Асикэ Хине «Отрезанная Окинава»: «Не засветят большие солнца над Окинавой, пока она не покроет все земли на дрожке жизни. Начин сопротивляться, противостоять — пускают в ход штыки, слезоточивые газы, бульдозеры. Иногда же погибают все: поля, жилые, все сравниваются с землей».

Эти слова почти с фотографической точностью воспроизводят сегодняшнее положение на Окинаве. Семьдесят процентов территории острова и 50 процентов пахотной площади отдано у крестьянам американским «суперитетом над островами», но распоряжаются там Соединенные Штаты, по настоянию которых острова в 1952 году были переданы под опеку Организации Объединенных Наций с «Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти».

В тексте нового японо-американского военного договора, с огромным трудомratificirovannym в июне 1960 года, ни слова не говорится о сроках возвращения Японии островов Рюкю. Если же судить по многочисленным «разъяснениям» сути нового договора японским специалистам, то становится ясно, что Соединенные Штаты намереваются усилить свою управление на Окинаве и других островах архипелага.

Сего с 1951 по 1959 год, по очень неподлинным данным, американские солдаты совершили на Окинаве свыше 3 тысяч серьезных преступлений. Жизнь жителей Окинавы постоянно подвергается опасности не только вследствие бессинта америка-

на по заниженным подсчетам американской печати, в 14 раз меньше прожиточного минимума. Поэтому-так часто и появляются в японской прессе сообщения, подобные тому, что было помещено в буржуазной газете «Асикэ-Лоди», которые отбраны дома, вынуждены были продать свой скот и дошли до того, что продают дочерей, и там не менее еле-еле сводят концы с концами.

Перед выходом в море японские рыбаки по древней традиции подсыпают вверх свои сети — так называется японская обувь на деревянной подошве. Угадает гут сетя, будущее и наше погода, значит, будет богатый улов. Однако сейчас во многих рыбакских поселках на Окинаве уже давно не пытаются погоду: обширные морские и прибрежные районы обставлены американскими запретной зоной. Там проводятся стрельбы береговой артиллерии, учения военных кораблей. В рыбачьи поселки пришли нищета

ских солдат, но и из-за того, что на дому и поля падают американские самолеты, небудь запущенные ракеты, учебные бомбы. Так, 30 июня 1959 года американский реактивный истребитель врезался в здание начальной школы в городе Исиакава, расположенный в районе Касакава. Десант из пяти катастроф. Двадцать пять трупов детей и взрослых были извлечены из-под развалин школы и соседских домов, 120 раненых отправлены в больницы. Двести человек, жильца которых уничтожили пожар, остались без крова. «Витрины свободного мира» называли Японии «зловещими гробами» на морском. Родное законодательного собрания Окинавы, так же как и правительства, никто не знает. Островом управляет командующий американским вооруженным силами, положение которого, как указывала японская печать, может быть приравнено к положению царя. Американские правители в древние времена, абсолютного монарха в средние века или фашистского диктатора в наши

сделать такой. Этого не хотят, против этого борется народ Окинавы, а также японский народ.

В декабре 1953 года жители пригородов Нахи начали против ревизионистской земли для военного аэропорта. Тысяча крестьян — среди них были женщины и дети — вышли на улицы с плакатами, гуашами, флагами, символами их дома. Подразделение американских солдат окружило крестьян и устроило избиение беззащитных людей, путь в ход штыки и приклады динотоков. «Окинавы были вооружены лишь правою отставкой лица со стороны земли», — писал газета «Амстердамский синхрон». Перед лицом превосходящих силы они не смогли отстоять ее длительное время.

Летом 1956 года 50 тысяч

жителей Нахи снова выступили против ревизионистской земли. Их поддержали депутаты всех городских и сельских советов. В результате первые грозди отставки, если ревизионисты будут продолжать. В августе 1957 года против создания на Окинаве в Японии диктатуры Японии и вспыхнула японские флаги.

18 мая 1959 года американская администрация опубликовала новый уголовный кодекс. Этот кодекс предусматривает смертную казнь для лиц иностранного происхождения (в них считались и жители Окинавы). Япония и все сёмы Окинавы, совершающие действия, которые угрожают безопасности граждан, а также угрожают безопасностью Окинавы. Иными словами, всяко выступление против ревизионистской земли для военных баз, против бесчинств американских солдат, против превращения Окинавы в японскую колонию, подвергается по уголовному кодексу смертной казни. Даже за критические высказывания в адрес американской военной администрации на Окинаве кодекс устанавливает продолжительный срок тюремного заключения.

Так, может быть, это предупредило Японии — американский остров, как об этом не говорят руководители США? Нет! У японского народа есть поговорка: «Говорить — легко, делать — трудно». Окинава не только трудно сделать американской. Ее невозможно

власти не могли, естественно, приняться с тем, что в главе муниципалитета острова стоял патрот, чья деятельность представляла угрозу их планам превращения Окинавы в постоянную атомную базу. Американские власти, впрочем, не имели никаких полномочий, чтобы помешать Сэнага успешно выполнять обязанности мэра. Банк островов Рюкю, например, заморозил счета города и прекратил предоставление ему финансирования.

Наконец, в конце 1957 года, американские военные власти на Окинаве добились своего. Потерпев проиграл в попытках смещения Сэнага, путем экономического бойкота, диктатура его деятельности в глазах избирателей, они изменили конституцию Окинавы и при помощи своих избирателей избрали на пост мэра избранный совет города в ноябре 1957 года смещали Сэнага с поста мэра.

В январе 1958 года в

хозяйническим американским военным властям на Окинаве, аже же прибыл на этот японский остров. Тем самым Соединенные Штаты еще раз показали, что они рассматривают Окинаву как свое колони.

Военное командование США еще задолго до приезда Эйзенхауэра на остров начало готовиться к приему президента. Оно изготовило огромное количество американских флагов, которыми специально нанятые члены правых организаций должны были размахивать на всем пути следования Эйзенхаузера. Военные власти на японской почте привели в готовность и несколько подразделений американской морской пехоты.

Как только президент США сошел с самолета на землю Окинавы, стало ясно, что несколько сот морских пехотинцев израсходовали на охрану и угрозы американцев, живущих острова в подавляющем большинстве своем отказалось взять в руки

Сиричай забастовка у одной из американских баз на Окинаве. На переднем плане бывший мэр города Нахи Камедзи Сэнага.

В. ЦЕТОВ

Нахе состоялись выборы нового мэра. И на этот раз большинство избирателей отдало свои голоса стороннику воссоединения Окинавы с Японией и ликвидации американских военных баз на острове — Сэйтиро Канси, «Канси-один» из элитных врагов Сандана. Его избрание ознаменовало удар по престижу Соединенных Штатов в Азии, — отозвались на результаты выборов американские газеты.

Бюро негодования на Окинаве и по всей Японии вызвал новый американский уголовный кодекс для японской публики. Одна страна не было антигосударственных демонстраций или просто собраний, на которых не выдвигалось бы требование аннулировать кодекс. Представители 114 демократических организаций и 150 виднейших деятелей культуры и науки Японии подали в советский парламент заявления о том, что хотят от США отказаться от введения на Окинаве нового уголовного кодекса, нарушающего элементарные права человека. Трижды назначались американцы дату вступления в силу уголовного кодекса и каждый раз, вследствие массовых протестов вынуждены были перенести ее.

Японский народ, как известно, заставил свое правительство отказать президенту США в визите в Японию. Но Эйзенхаузер, пользуясь бесконтрольным

Демонстрация жителей Окинавы против визита и вспышки администрации нового президента США. На постороне написано: «Правительству США. Срочно шлите 25 долларов. Хочу повеситься. Нет денег на деревенку».

Их было немного. Всего горсточка молодых революционеров. Но они верили в народ. И народ поверил в них. Теперь он гордится своим правительством.

Кубинцы говорят: «Для того, чтобы задушить революцию, нужно уничтожить все население Кубы. Если хоть один кубинец останется в живых, борьба будет

Большие задачи стоят сейчас перед республикой: с одной стороны

смельчаками, смертными, с другой стороны, смертной схваткой с американским империализмом, с теми, кто им помогает, с другой — битва за урожай, индустриализацию страны, за счастливую жизнь. И всюду свои герои. Солдаты революционной армии стреляют из пистолетов в лицо. Там, где шли окончательные бои в горах Сьерра-Маэстро, ружами солдат возвращаются школьный городок-интернат на двадцать тысяч человек.

Казармы палача Батисты также преображаются в школы. Фидель Кастро, сидя за рулем бульдозера, яростно обрушился на стены казарм Маникадо, те самые стены, которые он атаковал в исторический день 26 июля 1953 года.

Революционные труды. Члены горят саженными патриотическими самолетами, падают бомбы на мирных жителей. Всё это делается для того, чтобы запугнуть свободолюбивый народ.

Когда французский пароход «Ле Кур» пришел в Гавань, он был порт и стал служить заплумленному кубинскому правительству белгийским конвойщикам. Там же, в Гавани, собралась громадная толпа, которая хотела помочь раненым, лики которых были обнажены на улицах. Но они оказались что это ловушки. Первый взрыв привел в действие механизм другой мины, и горло более сильного взрыва, второй, го-

Американские миллиардеры стремятся задушить молодую республику, поддерживаемую экономической блокадой. Страну пытаются изолировать от остального мира.

Всему этому Куба противопоставляет народный энтузиазм. Крестьяне объединяются в колхозы. Их первые успехи слыхают примером тех, who колхозились.

Если раньше кооперативы в основном объединяли безземельных крестьян, то теперь появляются хутора, в которых добровольно объединяются владельцы собственных участков. Так было, например, в провинции Санта Клара.

Всюду видны русти нового. Правительство Кубы бережно ухаживает за старыми, стремясь привить у молодежи любовь к тому, что называлась революцией. Недавно в Гаване состоялся парад на множестве антиколониальных государственных дел, начиная время для того, чтобы дважды пропустить студентов, а затем и всех остальных. Начиная от пункта высадки революционеров со шхуной «Грамматика» и «Городской совет», и кончая местом, где студенты партизанскими троеками. Они шагают вдали от тех зданий, в которых когда-то находились жаждущие поистине. В горах снова звучали революционные песни. Их пели не только солдаты из армии кубинского народа. Нависает угроза непредоступной военной опасности.

Страна, прилегающая к Кубе,

Стоило революционному правительству объявить о национализации 26 американских предприятий, как Эйзенхауэр срочно запросил конгресс о дополнительных ассигнованиях на обеспечение «безопасности».

видно, что сейчайс не 1954 год, а Куба не Гватемала. Они забыли о том, что Куба не единока, что у нее есть союзники в лице Советского правительства Н. С. Хрущева напомнили им об этом в своем выступлении 12 июля. Несколькочленным потоком в адъютантской поступают письма из далекой Америки, из близкой Кубы. Пишут люди разных возрастов и профессий, убежденных. Но для всех пишет характерный текст: «Спасибо вам, товарищи Хрущева и его боярству, за благородную позицию Советского Союза по отношению к Кубе».

РЕВОЛЮЦИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ

ОЦИЯ ПОБЕДИЛА— ЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Фото В. Боровского.

Академик ФРУМКИН:
Топливо земных недр должно принадлежать исключительно химикам. Химики взамен предлагают источник энергии.

Представьте себе геологов, работающих в горном районе. Они обнаружили место, где, по всей вероятности, скрыты эноруды драгоценного металла. Но из-за вести разведенное бурение. Геологи собирают небольшую буровую установку, подключают ее к клеммам сверхъемкого аккумулятора — и пополз в недра земли бур. Не надо к этой буровой установке подвозить горючее на вьючных походах по непроходимым горным тропам или с помощью вертолетов.

Или представьте себе автомобили, которые ездят баки с горючим, везут небольшие генераторы с аккумуляторами. Изредка водитель автомобиля «изправляет» аккумулятор, подключая клеммы к электрической сети. На бензоавтомобильные же колонки он и не оглядывается. Ездит такой автомобиль почти бессущно: ведь он снабжен электрическим двигателем, а не двигателем внутреннего сгорания. И вокруг такого автомобиля не отравляет выхлопными газами.

Еще бы, расплатились таким аккумулятором, совершившим по другому пути, то были бы разницы всех транспортных средств. Не было бы нужды тянуть над железодорожными путями провода для электровозов; не потребовались бы дизели для тепловозов; локомотивы просто меняли бы на стационарных аккумуляторных батареях. Не было бы паутины трамвайных и троллейбусных проводов над городскими улицами: весь городской транспорт работал бы на «чистом» топливе. Может быть, не было бы высоковольтных линий электропередач — дорогих и сложных устройств.

Электроэнергия можно было бы доставлять в небольших щитах в самые отдаленные и глухие уголки страны.

Бесспорно, создание такого аккумулятора привело бы к революционным изменениям в целом ряде отраслей современной техники.

Но будут ли когда-нибудь созданы такие аккумуляторы? Вероятно, да, но когда?

Мы обратились с этими вопросами к академику Александру Найдовичу Фрумкину, известному своим трудом в области электротехнических источников тока.

— Сразу же определимся, — сказал академик, — к топливам, которые мы затронем. Если решим, что нас интересует область электротехнических источников тока, придется ответить, что наряду со столпом интересной задачей, какой является создание сверхъемких аккумуляторов, существует еще одна задача: каким образом в частности создание устройств для прямого превращения химической энергии в электрическую, принципиально отличные от применяемых на современных электростанциях.

Давайте разберемся, в чем физическая сущность процесса горения топлива. Для этого можно смотреть как движение электронов, происходящее с большими скоростями, с выделением тепла и света, но хаотично, беспорядочно.

А электрический ток — это ведь тоже движение электронов, толькоупорядоченное. Значит, если упорядочить движение электронов в горящем веществе, можно получить электрический ток!..

Кстати, это давно уже научились делать. Электрохимические процессы, происходящие в любом аккумуляторе, батарейке от карманных фонера, принципиально не отличаются от обычного горения. Там тоже происходит обмен электронами между двумя химическими веществами — электродами. Только движение электронов в аккумуляторе строго упорядочено, и на энергию не превращается в тепловую в хаосе пламени.

Есть ли пути повышения коэффициента полезного действия тепловых электростанций? Теплотехники ответят: для этого надо поднять температуру пара и его давление. И сразу же предупредят, что это — дело очень сложное, что практически по этому пути они дошли почти до предела.

Повышение электрического коэффициента полезного действия тепловых электростанций даже до 50 процентов — почти несущественное.

ИЗ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ НАУКИ

СВЕРХЪЕМКИЕ АККУМУЛЯТОРЫ

БУДУТ

СОЗДАНЫ

Внимя мечта современных теплотехников. Необходимо искать новые пути превращения химической энергии в электрическую, принципиально отличные от применяемых на современных электростанциях.

Давайте разберемся, в чем физическая сущность процесса горения топлива. Для этого можно смотреть как движение электронов, происходящее с большими скоростями, с выделением тепла и света, но хаотично, беспорядочно.

А электрический ток — это ведь тоже движение электронов, толькоупорядоченное. Значит, если упорядочить движение электронов в горящем веществе, можно получить электрический ток!..

Кстати, это давно уже научились

делать. Электрохимические процессы, происходящие в любом аккумуляторе, батарейке от карманных фонера, принципиально не отличаются от обычного горения. Там тоже происходит обмен электронами между двумя химическими веществами — электродами. Только движение электронов в аккумуляторе строго упорядочено, и на энергию не превращается в тепловую в хаосе пламени. Есть множество различных электротехнических источников тока — батареи и аккумуляторы различных типов, в которых «сгорают» не только цинк или свинец, а самые различные элементы. А нельзя ли создать устройство, в котором также без огня медленно горел бы, поражая электрическим током, тот объем топлива тепловых электростанций — каменный уголь?

Первым энтузиастом этой идеи был известный русский инженер Павел Николаевич Яблочкин. Однако техническое осуществление ее оказалось настолько сложным, что практически действующих конструкций таких аппаратов сегодня еще не существует. Есть только лабораторные образцы.

Одно из таких устройств — их называют «обогащенным» элементами — предложил немецкий ученый Базур. В нем «сгорает» порошок кокса, помещенный в чашечку из пористой глины. Чашечку опускают в большой сосуд, наполненный железной окисью. Однако этот топливный элемент весьма несовершен. Например, работает он при температуре около 1 000 градусов.

Английский ученый Бэкон разработал конструкцию элемента, в котором «сгорает» водород. По сообщению зарубежных газет, Бэкон развел на камчатском участке своего объема мощность до 80 киловатт. Это весьма значительная мощность, позволяющая ставить вопрос о возможности практического использования батареек таких элементов.

Неплохо было бы использовать более девеше газообразное топливо, в первую очередь генераторный газ. Интересна в этом отношении установка для «сжигания газа», которую построил советский ученый О. К. Смирнов. Согласно его расчетам, ее объема можно получить до 5 киловатт мощности. Это в 5 раз больше, чем на современной тепловой электростанции. Коэффициент полезного действия этого элемента высок, но, к сожалению, работа его непродолжительна, а конструкция относительно громоздка.

Но вернемся к нашему вопросу о сверхъемких аккумуляторах. Допустимо ли значительно увеличить ёмкость электрического аккумулятора, не увеличивая его объема и веса?

Да, возможно. И учеными начиная исследуют эти возможности. В последние годы возникла новая ветвь аккумуляторов, способная существенно сократить с жидким топливом. Это серебряно-цинковые аккумуляторы. Их энергоемкость на единицу веса примерно в четыре раза выше, чем у аккумуляторов других типов.

Конечно, цинк, который «сгорает» в серебро-цинковом аккумуляторе, дает несколько меньше энергии на единицу веса, чем выделяется при сжигании бензина. Но ведь в двигателе автомобиля удаётся использовать едва 20-

25 процентов энергии, содержащейся в бензине. А серебро-цинковый аккумулятор позволит полезно применить 70—75 процентов заключенной в нем энергии. Если мы будем исходить из такого расчета, мы можем сказать, что уже и сегодня килограммы серебра заменяют килограммы аккумулятора, становившегося в левом колесе машины, килограммы бензина, запасенного в баке. Этого килограмма аккумулятора обеспечивает более длительный пробег автомашин, чем килограммы бензина. Основной недостаток — дороговизна. Но в некоторых случаях, например, при установке на спутниках, это не препятствие. И действительно, такие аккумуляторы весьма успешно работали на третьем советском искусственном спутнике.

Последние десятилетия позволили резко продвинуть вперед теорию электротехнических источников тока. Сейчас мы уже несравненно отчетливее представляем себе, что происходит на границах соприкосновения металла и электролита, как раз там, где рождается и устремляется по заряжене предписанному руслу поток электронов — электрический ток. А это позволяет нам продвинуться дальше в решении прикладных вопросов.

Идеи, которые требуют разви-тия, мыслей, которые ждут вопло-щения, находящих путей, которых могут привести к интереснейшим открытиям, в электротехнике бесконечно много.

„Перед нами широкий простор Ленинского проспекта. На нем стремительно проносятся многочисленные легковые машины, тяжеловесные автобусы и грузовики. За ними клубятся густые облач-ка выхлопных газов. Громко движутся по улицам коробки троллейбусов, скользя склонами длинных штангами по проводам, плав-тингом покрывающим улицы...“

Водители этих машин ждут, когда в сером здании энергетического института, из дверей которого мы только что вышли, или в каком-то другом месте люди изобретут способ девеше и просто запасут в небольшом объеме необходимые количества электрической энергии...

Речь идет о аккумуляторах в широком смысле слова. Об аккумуляторах, состоящих из сотни или лучше химических батарей, более энергоемких, чем лучше современное топливо.

Речь идет именно об этом. И, может быть, не химический аккумулятор, а атомный позволит решить эту задачу. Ведь уже существует атомные батареи, способные в течение многих лет вырабатывать электрический ток, рождающие распадом кружинки радиоактивных веществ. Еще неизвестно, каким образом можно сделать лампочку карманный фонера. Не долго работает и батарея в ее устройстве полупроводников быстро разрушается под действием радиоактивного излучения. Но это первая ласточка. Может быть, за нее будущий...

А может быть, будущее за какими-либо другими устройствами, самый принцип которого еще ждет своего открытия?

Во всяком случае, сверхъемкие аккумуляторы энергии — их ждет техника — будут создаваться. Они наверняка будут созданы.

ПОКА АЛЕШКА СПИТ...

Рисунок Н. СМОЛЯНОВА

Сергей АРТАМОНОВ

РАССКАЗ

Поздней ночью по улице слышатъ два милиционера на лошадях. Два милиционера на двух лошадях. На двух белых лошадях. Алешика...

Передо мной блестят, как погони, послы их — делаются как разбитое стекло.

У меня под мышкой портфель. Взял с него чистый лист бумаги. А еще у меня песенка есть. Какая-то — слов — я не знаю, не помню, где и услыхал... И про что она спачала была, — песенка...

Номер с фонарем. Два дроби один. Дом, деревянный. И если пропустить пахой вдоль забора — проходит все переу碌о! И ни душа. Спят.

В одном окне свет загорелся, в другом погас — и лужа перед этим домом погасла, словно и ее выключили. И никого нет в переулке. Спят. А мы все равно! Я иду, насторожившись окунько, дальше к сторону.

По деревне поднимались тихо, в комары замолкали совсем, потому что есть у меня Алешика! Мальчишка лежит поверх постели, падец во сне сосет, чмокается. Я на клонилось посмотреть, как он спит. Спит! Женские туфельки выглядывают из-под батареи, надо бы спрятать их подальше — не попадайтесь на глаза! А впрочем, какая разница? Всё равно ведя я помню, а когда возвращаюсь домой, еще больше помню. А когда заставляю себя не думать и не думать целый день, почно спит.

Хорошо бы он проснулся, Алешика! Песенка вылетела из головы, теперь жди, когда-то она вернется!

Иногда бывает, работая у себя в горшке, стучишь молотком по железу — и всю мастерскую звон, а песенка — вот она, тут как тут, словно пищирка, и меня не боится, чумазого. Пожоже, в нашем гараже воробых всю живут. Мы бывем молотками, а им

хоть бы что! Легают возле головы, крошки выпаривают...

Знала бы я, — и вскакинге не долго, а так — холо ветер в поле! Пропала песенка...

И Алешика спит, не просыпается. И ночь летит, дымится вокруг луны черными лоскутами, деревни качаются за окном. Хочется посидеть и подумать.

У меня есть неотложные мысли и непочатая пачка сигарет. А еще есть на свете Шура. Ее можно было называть Сашей, и даже Сашкой можно было бы называть. Но мы не согласны с характерами и жизнью в разных домах. Это начальство с того, что я попал в вечернюю школу...

Я твой не вижу, ты словно косячник в доме, словно ты угла синичина, я с яблами днины одна.

А потом она сказала думать, что хожу не в школу, а еще куда-то, и мы сошлись. О одевалки к нам в школу пришла ее мама. Мы с ней встретились, и я сразу поняла, для чего она здесь. И я ей тогда сказала... Мне не хочется повторять слов, которые я тогда сказала ей. А ночью мы поспорили с Шурой, и почко же она ушла.

— Ну и уходи! — крикнула я вслед. Я думаю, что она вернется. Тогда она у своей мамы, мы с Алешикой — у меня. Уже полодула.

По камедарю сразу видно, сколько дней ушло. А сколько еще осталось? Ведь срока нет никакого... Алешика отрывает по утрам дни, разглядывает их и спрашивает:

Это кто?

— Ученый, или артист, или еще кто-нибудь? — А сам все думал: я знаю, что виновата она, и она знает.

— Па, а мы поедем в лес, хоть когда-нибудь?

— Поеедем, а теперь спи, или играй, или не знаю что, но не мешай видеть, я занимайся!

Я учусь в школе для взрослых, потому что прежде ни о чем не беспокоился — так говорит моя мама. А ее мама вообще ничего не говорит, может быть, что хотят? Она уже раз и панседа сказала, что все будет хорошо, вот увидишь, как все будет хорошо! Это было в нашем гараже воробых всю живут. Мы бывем молотками, а им

хоть нет с нами нашей Шуры, она обижалась, наца Саша, и ушла. «Уехала отдохнуть», — говорю я соседям и Алешике. Алешика тоже верт.

Днем я забываю, а вечером обязательно помню, что Шура в пятн трамвайных остановках отсюда и привык жить без нас. Иногда я сержусь на нее и злорадствую, потому что знаю: плохо ей, совсем плохо! Она даже приходит к местному суду укладкой и ведет. А еще она притягивает земной сумочку червячное слово — «Развод». А ее мама говорит: «Не будь дурой и подавай в суд! И ребенку отдачу тебе, хотя он тебе всю жизнь отравил. Ты еще молодая!»

Я думала, думаю — и вдруг: кто трогал мой стул? Только вчера я постела новую бумагу, а вся она в пятнах, в карауках, в завитушках каких-то и цифрах. Алешика это не умеет. Это соседская девочка. Я прошу ее погодить у нас в комнате вечером пока меня нет, поиграть с Алешикой! Это она решала свои задачки. Писала, писала, да так и осталась ни с чем, видно, хитрый человек выдумала их! Я взяла и решила; я сразу увидела, где она ошиблась: мы это уже проходили в школе для взрослых. Я бы сказала, что это было вчера. Я бы сказала, что это было вчера.

Алешика вздыхает во сне. Неужели у него есть сны, ему и книжечки еще не покупают настольные, только картины. Да и не надо умно никаких снов пусты спят так!

И неожиданно, глупость какая! Аликий, слезливый комок подкашливает под свое горло и не отпускает следов мгновение.

Хороши бы Алешика проснулся! Себя бы прямо на подушку поспок и попросил бы у меня: «Па, скажи скажи скажи!»

Начал бы я так:

«Ночью по улице ехали милиционеры на лошадях. Два милиционера на двух лошадях. На двух белых, красивых лошадях. И синие из-за своих колпаков машины подкованы. Одни вакахи кое кое из солса и попросили спичку. Он зажег папироку и поехал донести первого ялью по переу碌о, на такую-то улицу. Чо-то подковы замер вдам. А я пошел домой. А на другом конце большой и широкой улицы, в кирпичном доме, на самом шестом этаже живет сейчас моя Шура у своей мамы».

Но даже Алешика знает, что только девочки живут у своих мам, а мамы у мам не живут, и вообще, мам у мам не бывает. Бабушки бывают, а больше никого не бывает!

Я сила с гвоздя и наброса на плечи пальто. И свою шарфескую кепку нахлобучу на голову. Куда это я в дождик?

Вот я пришел на эту улицу и встал возле магазинной будки. Жду, когда оттула выйдет этот человек... Я постула монеткой в стекло, а потом просто-напросто распахнула дверцу и сказала громко:

— Эх, друг!

А он оказывается, совершенно не звонил. Он сторож и грелся.

— Задремала... Он потянулся в туале, что-то хрюкнуло внутри, а потом сторож начал зевать.

— Долго говорить будешь?

— Нет! — Я захлопнула дверцу поплотнее и всунула монету.

Есть долие, долие гудки. Я прикрыла глаза и провел рукой по лицу и наткнулась на козырек кепки.

— Кто это? — неожиданно спросил Шурик голос.

— Кто это? — спросила она еще раз, я сняла козырек.

Я слушаю ее диалоги и совсем не думаю о ней, о Шуре, которая в туале, очень далеко отсюда. Ни о чем я не думала, а только слушала. Я притягиваю, будто она могла уничтожить меня. И она тоже притягивала. И слушает. Мы стоим в разных концах длинной улицы, в одном городе, и это было странно. Между нами летела яркая особенная, осенний густоты. Должь шелест по асфальту босыми ногами. Стояли дома. В них жили, спали постоянные люди. А у меня в руке смыкалась дыхание моей женщины.

— Как Алешика? — спросила она домашним, самым ласковым голосом и задыхала чутка грече и чутка быстрее.

— Сашиниш? — спросила она... Я же знаю, что это ты! Только ты можешь молчать и залиться по телефону ночью, я знала... Скажи что-нибудь, раз уж позовина!

Но я не поддавалась, я просто-напросто трубку на крюк. Я даже поднес пальцы к рту автомата. Пусто и холодно было там. Ну и ладно!

— Сторож! — крикнула я. — Да-ай! спи! Спокойной нам ночи!

И пошел домой.

ЭТО УБОГО И НЕКРАСИВО

Каждый день я езжу в электричке. В вагоне иногда невольно прислушиваешься к разговорам попутчиков.

— Вчерашний день на «Дина-мое» была зарегистрирована ин-чья... слышь я поздни ся. Это говорит, овидно, какой-нибудь канцлерист.

Его собеседник вздыхает:

— Ничья. 2:2, и ни грамма больше... Это, наверное, торговые работники.

Я всегда сожалею думая о том, что некоторые люди из полумиллиона прекрасных слов, которых разбрасывают вязь, не могут вспомнить нибудь двумя-тремя десятками. Как они себя обворачивают!

Но вот однажды я убедился, что такой обдениенный язык — это еще победа.

Как-то в одном вагоне со мной

ехали трое молодых парней. Они стояли в тамбуре, дымяли папиросами и говорили. Мне сначала понравились эти ребята, понравились их яркие кистиные рубашки... синие, зеленые, желтые.

«Наверное, студенты... решали, — или рабочие какого-нибудь завода, а возможно, и то и другое».

И вдруг я услышал:

— Не тырысь... — говорил товарищ парень в синей рубашке.

— Ну, траки, траки дальше... — сказал парень, развернувшись.

Синий продолжал:

— Закорят он в хамву. Я его сразу задробил. И на полусяк в магазин за малышом. Малыш нет. Гляжу, один керя ищет малыша. Я ему: «Давай побан-

СЕГОДНЯ СЕМИНАР

Каждый день в «Университете красоты и здоровья» приходит много писем. Их авторы решают заниматься в нашем «УКЗ». Они спрашивают, предлагают, советуют.

Мария Метельская из села Бел, Красноярского края, написала: «Мне захотелось записаться в «УКЗ». Группа девушки, побывавшие в деревне, рассказывали о том, как нужно уметь ухаживать за всеми предметами».

Как правильно вести себя за столом, в гостях, как ухаживать за своим организмом, что такое мода и многие другие вопросы возникли в ее воображении и заставили заниматься в «УКЗ». Все эти впечатления уне-вижимы в «учебном плане».

А сегодня на нашем семинаре мы представляем слово наших зачинщикам и отвечаем на некоторые их вопросы.

СЕГОДНЯ СЕМИНАР

А. КАРАСЕВ и С. РЕВЗИН

Фото В. Санка.

Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Всех лучами разбуди!
Эй, товарищ, больше жизни —
День воскресный впереди!

Дорогая редакция!

Я хочу высказать пожелание, чтобы кто-нибудь выступил в нашем «Университете» по такому вопросу: как советской девушке относиться к украшениям?

Я иногда вспоминаю, как моя мама — комсомолка двадцатых —

столетий. «Домашние» платья явно не приспособлены для этого, узкие юбки затрудняют шаг, широкие, особенно в ветреную погоду, сильно раздуваются. Поэтому мы решаем сшить себе комбинезоны, но носить их, откровенно говоря, не решаемся: в нашем городе так никто не одевается. А не будем ли мы выглядеть смешно?»

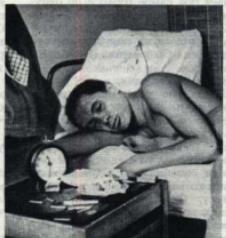
Начала тридцатых годов, сохранившая до конца своих дней взгляды того времени, — презирала украшения, считая их «пережитком дикого прошлого». Она была убеждена, что следующему поколению не подойдет никакое блестящее боди-арт. В этом моя мама и ее сестрички ошиблись. Украшения сейчас в моде. Их носят многие и многие, часто без разбора. А вот «разбор», мне кажется, тут очень нужен.

Все ли из того, что украшали старые девушки прошлых времен, хорошо для нас? Как относиться, например, к серьгам? Даже в старой, дореволюционной литературе их часто называли дикарскими, варварскими, а порою — античными украшениями. Теперь же это

словно забыто. Оглянешься на публику в театре — чуть не у каждого второй женщины что-нибудь блескаивает в ушах. Раньше я как-то не задумывалась, хорошо это или плохо, но не так давно во прос был поставлен лично, так сказать, практикой.

В прошлом году я вышла замуж, мы поехали с мужем в великий город к его матери, и тут оказалось, что свекровь приготовила для меня подарок — золотые серьги с грушевидными подвесками из александита. Свекровь испуганно окорялась, что не смогла сразу же надеть их на меня («Эх, всем хорошо, а в двадцать три года уши не проколола!»). Но потом же было предупреждение: «Весь равно хороjo — от таких не откажешься!». Я поднес-

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ, ИЛИ ВОСКРЕСНЫЙ

Но, увы, закрыл окошки,
«Не будите!», отдав приказ,
Понимает Вася Клёншин,
Несмотря на поздний час.

День все жарче, дали — краше...
Люди радостью полны.
Волны ветер манил Машу
На простор речной волны.

Ну а Васю знамен летом
Увлекает домино.
В роковых занятиях этом
Много дал погребено.

ни на двоих», а он уже керной. Взял...

Синяя рубашка замолчала.

— Трах дальше,— снова сказал парень в желтой.

— Ну, хлипко домой, а Сланка уже в дверях. Я его по плечу — бакс. Все, Вася, не чешиш!

— А на чем Сланка лает! — спросил желтый рубашка.

— «Кто эти ребята?» — растерянно думал. Вторые человечки были речь поставили меня в тупик. Уже перед самой Москвой я снова оказалась рядом с ними. Речь теперь шла о кинофильме «Веселые ребята». Желтая рубашка недоуменно смотрела на синюю, а синяя на зеленую. Синяя наконец сказала:

— Я тоже глядел это кино, но ничего не усек.

Я не выдержал и вмешался в разговор.

— Я помню, как начинаются «Веселые ребята», — сказал я.

Утесов играет на скрипке. Он пастух. Пока он рассказывает...

Тут меня перебила зеленая рубашка:

— Да, да, Утесов лает на скрипке. Он пастух и хильт за

стадом. Пока он травит одной чукой свою баланду, козлы, коровы и свиньи на полуогненных лезут в санаторий. И вот по столу, по ма-

льшам, по закускам... Утесов одного бича по рогам — белых А в кон-

це он уделал фирменного ин-

странца...

Яшел с невеселыми мыслями. Эти молодые люди думали я обходится вообще без родного языка. Во всех случаях жизни они жонглируют одними и теми же словами, выдуманными и вульгарными. И это не проходит для ребят бесследно. Такая, с позволения сказать, пречья делает их духовно убогими, жалкими. Так великий язык истят за себя.

М. АНДРАША

форма продаётся почтальонам со скидкой в 30 процентов ее стоимости, на складе Главпочтамта, например, вот уже более полутора лет мертвым грузом лежат сотни костюмов. Их никто не берет.

Не пора ли создать новую форму для почтальонов? С таким вопросом к корреспонденту обратился к заместителю министра связи СССР тов. Сергейчуку и главному художественному руководителю Общесоюзного Дома моделей тов. Кулечеву.

Вот что они ответили.

К. Я. СЕРГЕЙЧУК. Я согласен с

тем, что форма у почтальонов неэлегантна, неудобна. Она нас совершенно не устраивает. Думается, что надо создать новую форму для почтальонов, которая соответствует не только времени, но и в то же время необходимости отображивать местные особенности: в южных и северных областях, в городах и сельских местностях одежда не может быть одинаковой.

Сейчас Министерство связи СССР изготовило для почтальонов специальную куртку спортивного образца из синей водонепроницаемой ткани. Она имеет пристегивающийся ватник и капюшон.

— Состарившись, — пожалеешь, что не носила молодой, — ты умница, Верна, — сказала другая подруга, — синими изящными по бордюру кружевами, — это прекрасно! А сама я никогда думала, что, наверно, я просто трусица — слишком беспокоясь, что обо мне скажут, что подумаю. Вот сейчас спросила себя: а обручальное кольцо ты стала бы носить года три четыре назад, когда на них еще ко- смо смотрели размытыми! Честно говоря, не знаю: может быть, и не решалась бы...

Еще одна подруга мне советовала: «Лучше синие серьги на киплинги. Киплинги — это культивировано, не нужно дырокоч в ушах». Но я не согласна с тем, что это что-то меняет. Разные серьги считают варварским украшением только из-

Сбоку на кармане вышито золотом «Почта». Образцы уже расписаны на бумаге.

Это, конечно, недостаточно. Мы постараемся уже в наивысшем году разработать новую, удобную форму для почтальонов. А дальше дело за Госпланом. Министерства связи союзных республик смогут внести в модель своей национальный колорит.

А. Ф. КУЛИЧЕВ. Одежда почтальонов должна отличаться от обычной гражданской одежды, быть простой и изящной, не стесняться движений. Думается, этим требованиям отвечают полуком-

бинезоны на бретелях из водонепроницаемой ткани, блузки из хлопчатобумажной ткани и легкая куртка с капюшоном (а может быть, отдельный берет или шапочка). Куртка должна быть одного цвета с комбинезоном. Мы считаем вопрос производственной одежды почтовых работников очень важным и готовы в самое ближайшее время разрешить его.

Итак, скоро у почтальонов будет новая форма. А пока... пока можно использовать и комбинезоны. Право, в этом нет ничего плохого.

Чего тут нет плохого. Но неопределенность всегда плоха.

Я написала очень откровенно. Может использовать это письмо, как хотите. Но если будете ссылаться на него в журнале, пожалуйста, не указывайте моей полной фамилии. Хорошо!

С комсомольским приветом
Вера К.

От «УКЗ»:
Очень хорошо, что Вера написала свое скромнички. Наверное, многие наши читатели и особенно читательницы захотят высказать свое отношение к вопросу, поднятому Верой К.

На блокнотах занятых «Университет красоты и здоровья» мы обязательно вернемся к этой теме.

ДЕНЬ МАШИ СВЕТЛОВОЙ И ВАСИ КЛЁШКИНА

И у Вася возбужденье:
Он среди других верзил,
Отмечая воскресенье,
И на троих сообразил,

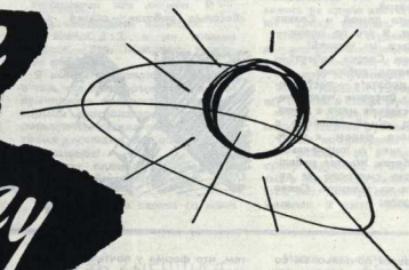
Вечер. Долгое прощанье,
И звонкованная речь,
И у дома расставанье
До воскресенья новых встреч.

И у Вася провожанье...
Он, как видит, «готов».
Лишь мычит. Но и мычанье
Нам понятней всяких слов!

Превечернею порю
Солнце золотит.
Воздух, пахнущий рекой,
Возбуждает аппетит.

Солнце идет по кругу

I

Когда-то, на заре туманной юности, Земля не разоблачала в плоскостях и перспективах: стала вращаться вокруг Солнца с наклоном оси к плоскости орбиты.

Эта давнина оплошности, матушки-планеты больше всего отражается теперь на Заполярье.

Придавлен край дойкой зимней тьмы, разгулом пурги, туманами дождями, на которые так щедро Баренцево море. Придавлен летним солцем, не скрывающимися пятьдесят шесть нормальных суток, придавлен синевой, которая скрывает небо, синевой, которая скрывает небо в себе, ни драмы.

Придавлен край камнем. Если каменную лавину притягивают склоны ледники, то что тогда перед ними мифический Сизиф с его перекатыванием камня? Забавляющийся Сизиф!

Лес здесь никогда не знал гордой возмужалости. Узколечие, просвещивающие ели, будто с ноговидного елочного базара в Москве. А из зелени бересмы, именем которой называют рогатки. Иногда несвадебная бересма в отмостку за все своих, сородичей, зажатых камнями, заберется прямо на теми замшелому валуну и плачет, надеваясь над его тупой неподвижностью.

Не придавлен здесь только чехов.

В рыбном порту Мурманск сейчас многоголюдо и многоясно.

Вот к причалу делового подошел «СРТ-21». Рядом с торговыми исполнителями дальневосточного грузоудаления небольшой, вроде малыка перверзлой рыбак. Но это — морское судно, выхолившее и отважное. В трюме у него многие десятки тонн рыбы. На редкость экономно используется на судне: пока в спортивной форме, проходах впору; как, подобно тюленям, начнет обрасти жирком, идет в пропеллер.

Моряки умеют уплатить и время. Коллективу «СРТ-21» в сомнаддатидневный рейс по сугубым нормам полагалось вымыть тридцать шесть тонн трески. Они выловили шестьдесят тонн. Кажд-

дую рыбину распластали, пересыпали солью, заботливо уложили в трюм, в особых бочки собрали печень — ту самую, которая «натуралистическая».

На старинной комсомольской стройке в Апатитах так же похозяйски, как рыбаки с рыбой, машины обращаются с каждым кирпичом. Комсомольско-молодежная бригада Виктора Пищениных борется за звание бригады коммунистического труда. Они сами принимают строительные материалы, сами потом отгibtываются за них готовыми стенами корпухов Анатолийной обогревательной фабрики — АНОФ-1, первую стройку. Ни половины кирпича, этого кирпича землю, не найдете ее на плоскости этой бригады. Не распускают стены усы-подтеки цементного раствора, нет на площадке мусора — тот строительного мусора, который иногда разинивает золотому песку. Рассказывают, что эта бригада зимой, в лютый мороз, когда по всем объектам стройки уже была дана команда прекратить работу, не ушла с участка. У нее было подготовлено рабочее, мог замерзнуть. Пока рабочий не был использован, никто не ушел.

АНОФ-2 только строится. Кировская АНОФ-1, ее старшая сестра, уже давно работает. В ее цехах с зубовным скрежетом добрыются и перемалывают глыбы руды, добываемой в рудниках близ города. Вращаются гигантские спирали флотационных машин, будто бегут куда-то в гору и никогда не останавливаются. Бесконечными ручьями текут транспортерные ленты.

Среди громыхающих исполнителей человека начальнику не видно. На две машины один классификатор, на пятнадцать бункеров-питателей — еще одна работница.

Здесь, на АНОФ-1, молодежь организовала единую комсомольско-молодежную смену под руководством Николая Кочина. Бригады смены охватывают весь технологический процесс — от разгрузки вагонов порошка-концентрата. Все бригады сообща отчечают за план. Вместе борются за наименьшее извлечение концентрата

из руды. Вместе воюют «с хвостами реки Белой» (так называют здесь потери продукции, уносимые с отходами в речку Белую). И смена не знает срывов в выполнении плана.

Ботанический сад в Долине птиц озер Буддачирчор, близ Кирсы, на забытой поляне вдалеке километров севернее Полярного круга. Зачем? Директор сада доctor биологических наук Н. А. Аварин отвечает официально: для освоения и обогащения растительных ресурсов Крайнего Севера. Научный сотрудник селекционер Л. М. Кузьмин бросает свет на вопрос с другой стороны:

За цветами к нам приезжают из Мурманска. Это четырех часа на поезд, а следом — автобусами. Приходит человек со слезами просит продать ему хоть какой-нибудь букетик... И в Заполярье нужна ветка сирени.

Пройдешь по питомникам сада и повернешь, что в недалеком будущем цветы и зелень широко войдут в быт заполярных городов.

Сад переселил в условия Крайнего Севера три с половиной тысячи растений. Живут и здравствуют, но не вечно. Сад на земле, на группе и кипарисах, венгерской сирене, и голубые незабудки. Даже неженка-нарицис зацвел в этом недлаковом крае. Есть тут скейквой и кипарисы. Правда, в горишках, но от этого они теряют свои названия.

Заботится сад и о сельском хозяйстве. Научные сотрудники Сирия Мироновна Вартапетян и Жанна Филипповна Охонина работают в природе над проблемой: почему в этом крае картофеля клубни не успевают за то размыться, остаются вечно молодыми, непригодными для зимнего хранения? Виноват, оказывается, долгий полярный день. В обычных условиях картофель ночью отдает питательные вещества из листьев в клубни. Здесь растение напрасно ждет ночи, и клубни не получают своей portion питательных веществ.

Всюду в Заполярье люди отчечают, работают. Рыбаки строители, обогатители у машин-гигантов, научные работники труждаются с душой, с инициативой, в

сложенных коллегиях. Под солнцем, идущим по кругу, это хорошо видно. Но лежит в глаза и другое...

II

Наши уважаемые предки ложили путь...

По рюмочке по маленик...

Чем пойти лошадей?

И этот традиция, перекочевавшая из содомской страны, оказалась на редкость живучей...

Плют моряки, — говорят в Мурманске. — Здорово плют!

С предельной нагружкой работает благодатное чистильщике — городской вырезатель. Часто появляются на улицах индивидуумы с эмблемой походкой. Мурманский парадокс: на палубе моряка стоит твердо, а на твердой земле их неудержимо качает.

Действует традиция отмечать возвращение из рейса возлюбленных, каковое иногда длится до начала нового рейса или до конца дней в кармане.

Команда «СРТ-21», о котором говорилось, как только судно пришло, сошла на берег. Из кратковременной прогулки по окрестностям порта некоторые вернулись изрядно на веселе.

Впрочем, одни моряки вышли не дуршля. Аланы и Кирровск — большой рабочий район, окруженный колымой Хатчиногор, — отдалены от моря. Но вытрезвитель и в Кирковске не остается без работы. А на станции Апатиты любители пива развлекают проезжих пассажиров импровизированными постасками около пивного ларька. Тогда традиция из прошлого века: пропивать получку. Но теперь люди зарабатывают больше, пропить получку сразу не удается, так наиболее настойчивые пропиваются ее частями, постепенно.

А что противопоставлено этим старым традициям?

Дружинники, убирающие пыльные с улиц. Этакая минигородская стыдливость: продажа водки ограничиваются во времени и пространстве, прячут пивные по темным углам. А еще?

— Вот мы пришли на рейс, кажется, неплохо поработали. Хоть бы кто-нибудь встретил нас, поздравил... Предложили бы как-нибудь пригласительные билеты... Никого и ничего! Семейной пойдешь домой. А мы, холостые, куда? В кино или на концерты билетов не купишь. В Дом международного отдыха не попадешь: он больше чем наполовину занят семейными жильцами...

Девушки — члены бригады каменщиков на АНФ-2 о своих трудовых делах рассказывали с сияющими лицами, но стоило спросить их, как они отдахлись, и сразу же девушки покраснели.

— Плохо. Скучно. В нашем новом поселке нет ни клуба, ни кино. В общежитии только красивый уголок. В кино или на танцы надо ехать в Кировск или идти в Апатиты. Летом еще можно, а зимой, в пургу, не поскакешь. Ложимся спать часов в девять,

вот и все развлеченье.
В Полярном ботаническом саду, пока речь шла о работе, у секретаря комсомольской организации Владимира Переображенова было что рассказать хорошего. Но вот зашла речь об отдыхе, и комиссар начал с того же выразительного слова, что и каменщики:

— Плохо. Похвалиться нечем. После работы все разъезжаются по домам, и уж там у кого как вытащится. Кто учится, время занято. А другие идут в кино, на танцы, иногда на вечер или лекции.

Кино сейчас — самое популярное зрелище. И, кстати, очень удобное. Культурных работников он избавляет от необходимости изобретать новые формы работы. Зрители ограждены от всяких напряжений. Успех требует только приобретение билетов; иногда — приходится постоять в очереди. А купив билет — садишь на место и смотришь фильм. Поговори-да часы убеждают вас, что пот и драма не обманщики думат. Помпа зритель смотрит картину, он поклоняется чужим талантам, а его собственные способности, его инициатива, мимо драмы проходят, как засекундированное.

лют в полуутыне зала.
Этот процесс усыпления инициативы и замораживания двигательных центров заметно прогрессирует. Дворцы культуры и клубы охотнее всего встречают

посетителя — по принципу: «Ты платишь деньги, мы предоставляем тебе кинокартину, спектакль, танцы, игры и аттракционы, за особую плату — маскарадные маски». Посетитель приходит в клуб с соответствующими требованиями: «За свои денежки я хочу получить интересный спектакль, кино, танцы — одним словом, везите меня!»

Нам довелось побывать в Мурманском Дворце культуры имени С. М. Кирова на вечере отдыха моряков «Мурманельды». Словно «вечер отдыха» и пригласительный билет обещали многое: веселое многоголосье, дворец, гудящий от песен, игр и танцев. Ничего подобного в действительноности наблюдалось.

Гостя встречал усиленный наряд контролеров. Самыми гостеприимными были буфетчицы и то лишь до тех пор, пока у них не кончалась горячая еда. В салоне фойе, зашумленном гудками радио, но собравшимися потанцевать, только три юные пары. Основная масса приглашенных, не видя смысла болтаться по пустым коридорам и курникам, сразу проходила в зрительный зал и садилась на места. Спектаклем молодежного народного театра «Сладко в Малиновке», собственно, и был запланирован вечер. Оперетта, которую многое уже слышали в телевизионных передачах, оказалась перенесенной со скухой. Работники Дворца культуры во главе с директором В. С. Моисеевым давно привыкли к ней. Обычного просмотра спектакля этот «вечер отдыха» откладывался только тем, что «Сладко» начальствовала с большими опозданиями...

Пока шел спектакль, наряды контроллеров вел перепалку с запертой дверью с опоздавшими. Напрасно люди просили пустить их, доказывая, что они сменились с вахты, неумолимые контроллеры стояли на месте. Желающих выйти из дворца выпускали через запасные выходы, как из осажденной крепости.

на!

После кино самый предпочитаемый вид развлечений — танцы. При этом слове воображение рисует вихрь веселья, упоительный полет танующих пар, изящные, легкие, полные жизни движения и разлив музыки.

Все это — воспоминания, не

Вот как выглядят танцы на
веранде в Апатитах.

Разлива музмы, прямо скажем, нет. Репродуктор хрюкает, изрыгает нечто музыкообразное, какой-то ритмический винегрет из фокстротов, танго и вальсов. В деревянной будочки радиста, видимо, делают пробег за проблемой многострадальной магнитофонной ленты и повторяют музыкальное блюдо.

— Танцуем танго,— железно вешает репродуктор.— Ч-ш-ш-тр-р, трах-та-рах! (Поехали!)... Танцуем дамский вальс. Повторяю, дамский вальс... Ч-ш-ш, тр-р, тра-тра-тра... — И так далее сно-ва и снова...

Пришедшие на танцы сидят вдоль барьеров веранды (это счастливые, успевшие захватить место) или стоят, заполонив пол-площадки. Лица у всех серьезны, как при исполнении священного египетского ритуала. Одни чинно разговаривают, другие молчаливо сосредоточены и молчат.

чат. Но вот в круг выходит пара-
боксных движений, и на них друг —
и потянулись все. Толпа рассредо-
точилась, скамейки наполовину
опустились, начались нестройное
движение. Главное искусство —
как уметь сидеть на скамейках, между
другими, парнями, не задев никого
и не падая. На лицах у всех напра-
вленное внимание, не танцуют, а
решают геометрические задачи. И
так час, другой. Можно подозре-
вать, что камни кругом, позади
нели здесь от склы. Легкий
подъем молодые люди складывают
веранду прямо через барьер, ми-
нув контролера (в этом выражался
протест против коммерческого
подхода к организации таких
занятий). И вперед, вперед, «тур-
нир», ожелезнение от выпитого
сидят на скамейках вокруг веран-
ды: кто борется со сном, кто уже
скован спаджими узами. Морфей

дрался сквозь густые заросли вводных предложений, вроде «достаточно вам сказать», и начал подбираться к теме своей лекции:

— Все это,— сказал он, имея в виду вышеперечисленное,— демонстрирует нас с очень хорошей стороны. Это очень волнует и очень бесит империалистические разведки...

Но тут заволновались и остальные слушатели: пора было идти на свои места в зрительный зал. Напрасно директор кинотеатра взывала:

— Сидите спокойно, без вас кино не начнется!

Наверное, те, кто не пошел на лекцию, уже знали, чем им это грозит. Побывавшие на ней теперь тоже будут обходить лекционные залы.

Конечно, не все вечера, танцы и лекции проходят так, как описанные здесь. Но скуча — постыдная гостья увеселительных сборищ, да и не только в Заполярье. Кинокартину или спектакль можно просмотреть за деньги, можно купить право входа на вечер или на танцплощадку (если не хочется лезть через барьер), но нельзя вместе с билетом получить талончик на веселоту.

Складывается разноплечее положение. Труд с каждым днем становится у нас все радостнее, человек все полнее раскрывается: в нем, горит, зажигая других. На работе он инициативен, весел, коллективист. Он опережает времена.

Но прогулка гудок, возвещающий конец смены, и коллектив распался. Каждый остается наедине со старыми традициями, отбрасываясь куда-то в прошлое.

В Кировске комсомольцы хорошо провели День советской

молодежи, любовно украсили свой город, живо прошли на улицах народные гуляния. До сих пор все вспоминают этот день: весь город веселился от души.

ые традиции, которые должны сменить старые: мой город — мой дом, мой коллектив — моя семья. Я сам сделаю жизнь в своем городе интересной, веселой, содержательной. Перед коллективом я доверчиво разверну свои

и таланты и способности...

Но праздник молодежи прошел — и комсомольцы Кировска замолкли до следующего праздника. А тем временем вечерами по улицам кучками бродят молодые люди, не зная, куда себя деть и чем заняться. Успешно пред-
ставляют им развлечения магази-

ны, стыдливо торгующие водкой. В Заполярье солнце идет по кругу. В его немеркнувших лучах видно, как хорошо в этом суровом краю работают люди и как порой плохо отдыхают.

Скульпры [Субботники].

ДВОЕ ПРИШЛИ В ИСКУССТВО

Вы видите работы двух молодых художников, недавних студентов педагогического института: Юрия Ковалев и Гали Эдельман. Молодые люди еще неопытны, в чем-то неумелы, но их собственный почерк уже ощущим. Они видят красоту окружающего мира по-своему, по-новому, не видели ее на картине, в поговорке, бумаге.

В чем особенность их видения? Об этом стоит поговорить. Но раньше о другом.

Вы задумывались о том, как вообще люди приходят в искусство? Ну, в детстве человек начинает рисовать. Ему пять лет или, может, семь. Родители радуются, в школе замечают. Рисунки выставляют на детских выставках, даже посыпают в «Мурзик». А там, глядишь, человек уже в художественной кружке, студии, училище, художественном институте. Путь вполне естественный и нормальный.

Однако не всегда так. Любопытную вещь приходится порой наблюдать на выставках детского рисунка. Смотришь работы пятилетних, потом семилетних, потом десятилетних. Поразительная схожесть восприятия мира, его красочности, его линий. Все такие непохожие.

Но что это? Попал рисунки пятишестидцати летних, шестидесяти летних, и многих уже не отличишь друг от друга. Все как-то становятся правильно и одинаково — и

перспектива, и светотень, и композиция.

И вдруг понимаешь: их же стоят учиться по разработанной методике, одни и теми же приемами! Конечно же, я не против научной методики преподавания основ изобразительного искусства, и любви к нему. Но ведь в детском художественном училище, в специальном детском художественном училище, надо вкладывать техническую рисунку. Но как часто за многометровой обезательной студней тускнеть неизбежность дарования, и в результате выпускается еще один грамотный художник, но более...

Юрий Ковалев и Гали Эдельманшли другим путем. Наверное, не они одни. То, что это путь, а не случай, мне стало ясно не так давно. В прошедшем театральном сезоне публика и специалисты заговорили о необычайном успехе спектакля Центрального детского театра «Друг мой, Кола-К!». Я не собираюсь здесь обсуждать достоинства и недостатки этого спектакля. Об этом стоит говорить специально. Одним из самых различных его итогов было волнующее, искреннее, радостное по своей смелости выступление студентов театра. Юноши и девушки — им по шестнадцать—семнадцать лет — пронеслись всего полтора года в студии при театре и вдруг показали себя отличными актерами. В театральных кругах стали говорить, что спектакль за-

ставляет серьезно задуматься о путях театральной педагогики.

Может быть, надо значительно раньше допускать молодых актеров к их прямому делу — участию в спектакле, может быть, это участие и есть лучшая школа?

Так и у художников. И здесь тоже есть пример. Юрий Ковалев и Гали Эдельманы. Они родились в специальном училище. Но они любят искусство и посещают не только художественные выставки, но и мастерские художников. А в Москве много интересных мастерских.

Особенно часто бывают они в скульптурной мастерской на Чудовой, где работает интереснейшее содружество скульпторов: В. Лемпорт, В. Сидур и Р. Слис — неутомимые труженики и очень общительные люди. Они непрерывно заняты сразу множеством вещей: маленькими керамическими статуэтками, большими скульптурами из гранита, деревянными композициями для фонтанов, декоративными настенными балдахинами.

В этой атмосфере искусства захотелось порисовать Юре и Гали. И они стали рисовать, пробовать писать красками, резать граворы, делать так называемые монотипы, то есть отпечатки с изображений, сделанных масляной краской, например, на стекле. Хозяева мастерской советовали, попрекали, — так, не специально, скорее мимохо-

дом. Но разрешали смотреть, как они работают. И это было неизменной школой. Юрий и Гали совершаются.

Думаю, вряд ли что-нибудь может сравниться по силе воздействия на молодого, начинающего художника с атмосферой художественной мастерской, где живут работа, разговоры, свобода, чувство, где живой пример всегда перед глазами. Это не новость. Мастерские многих великих художников превращались в своеобразные художественные школы-клубы, где без наожмы, без дальнейшей и односторонней манипуляции становились художники.

Так было у Брюллова, у Репина, у Крамского, а на Западе — у Дауди, у Делакруа да и у очень многих других художников.

И надо, чтобы каждая мастерская нашего крупного художника непременно обрастала такими вот людьми, которым хочется рисовать. А теперь самое время напомнить читателям, что Юрий Ковалев — художник с креативно развитым чувством цвета. Он любит изображать такие состояния природы, которые в действительности продаются исключительно мгновениями. Осенне-зимняя, сумасшедшая синева, наступающая, когда день уже кончился, а ночь еще не началась. Мы все знаем эти состояния, смотрим, любляем и боямся, как бы не зажгли раньше времени свет, не

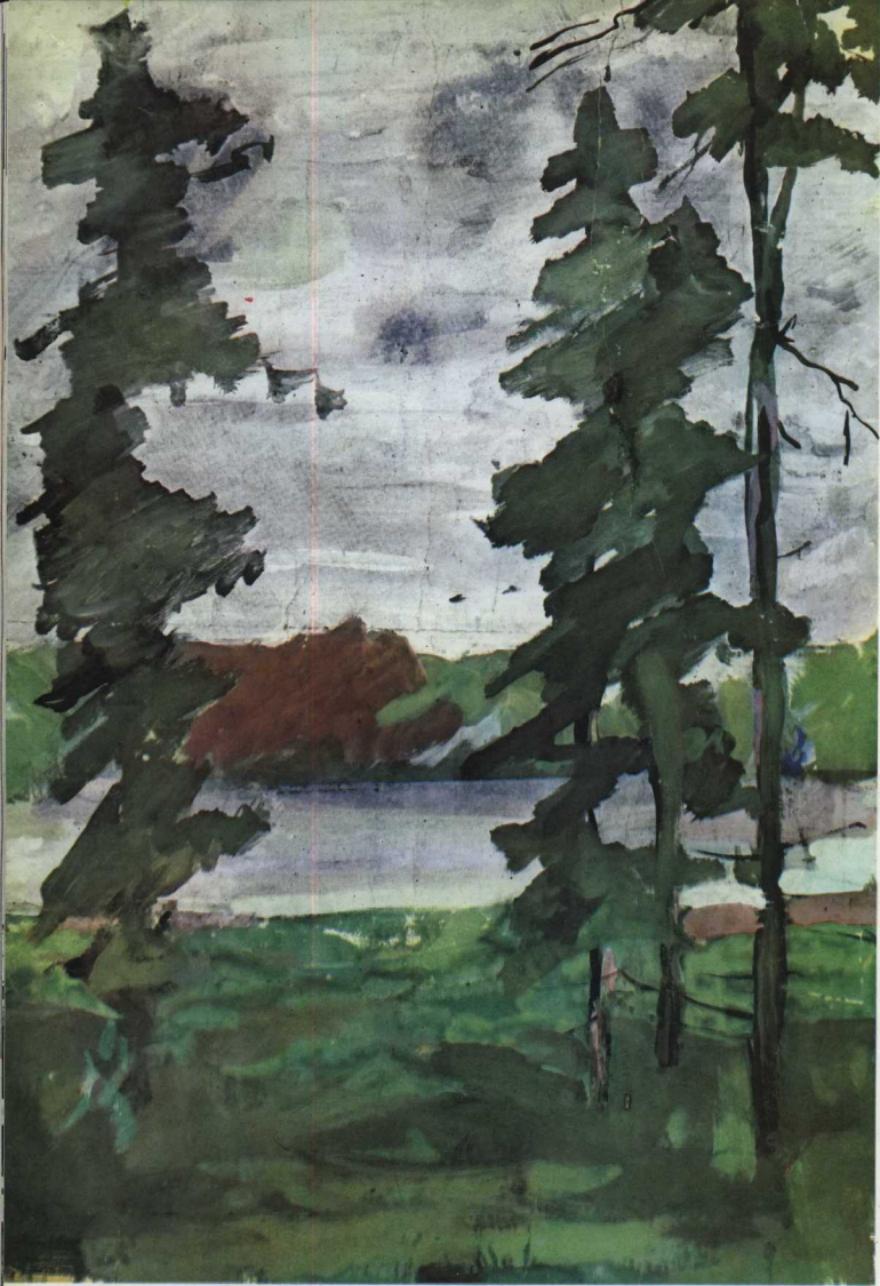

Юр. Коваль.

Сумерки.

Занят в лесу.

Н. П. Ковалев. На Истре.

спугнули это очарование. Потом зажигают фонари, и оказывается, что их желтые пламена сказывают, что если не покидаешь небо, они делают его как бы более синим.

Про Юрия Ковалья можно сказать, что он мыслит цветом. Это — редкое дарование. Это значит, что художник, отталкиваясь от реального цветового звучания, идет дальше, усугубляя яркость красок, доводя их до ослепительного сияния. Но есть ли это отступление от реализма? Ничуть! Художник не просто копирует тот цвет, который он видит, он создает образ цвета и тем самым заставляет нас пережить красоту окружающего зре, напряжение. Нам начинает казаться, что мы и сами видели и чувствовали такие мгновения. Художник прибуждает в нас эстетическое чувство.

Кто не вспомнит, как прорывалась сквозь деревья, когда деревом было лесу. Кто не знает, как поражает на опушке вдруг открывшийся вид яркого дневного пейзажа. Эти и привлекают Коваля.

Все ее напечатанных злее пейзажей один и тот же прием: на первом плане деревья, мы смотрим как бы из тымы. Художник желает усилив контраст света, дать нам пережить их. Лейзен Коваля оптимистичны.

Гали Эдельман — график. Ее привлекают неисчерпаемые возможности черно-белой гравюры.

Это очень сложная техника: ведь в силах надо дать почувствовать и настроение, характер, и красоту изображаемого. В этом смысле удачна ее «Субботинка». Здесь настолько характерны фигуры, так точно переданы их движения и даже воздушная среда, что невольно вспоминается зима, скрип скрекбок в руках бородиков и морозный воздух.

Ю. Коваль пишет яркой темпой, краской, которая почти вышла из употребления из-за сложности изготовления. Такими красками писали когда-то художники древней Руси. Коваль делает краски сам.

Гали Эдельман увлекается монотипией. Так сделаны «Деревяни». Это интересная по своим качествам техника. Она позволяет сохранять большую часть изображения, «Женщина с петухом» гравюра, декоративный мотив, не более. Можно себе представить его повторяющимся и преобразенным в орнамент для украшения стены, например. Пусть зрите, не смущает несколько «бривий» силуэт фигур на ее черно-белых листах. Так художница стремится передать трепетность жизни своих изузотов, их дыхания. Если попадание точно, то гравюра называет восприниматься как живопись, она дышит.

Гали и Юра — очень молодые художники, они лишь начали, ищут, но они уже в искусстве и пришли к нему путем своеобразным.

Может, они и не станут профессиональными художниками, хотя мне почему-то думается, что станут. Но разве в этом дело? У них выбрались и выработались взгляд художника. Их жизнь наполнена, и каждый день поражает открытиями. Что может быть лучше?

А. СВОБОДИН

ЯН НАБИРАЕТ ВЫСОТУ

...Небольшой латвийский город Внесите. Узкие улицы, обсаженные липами, дома под черепицей, тихая, сонная река. В этом городе жили пять пареньков, пять друзей, одержимых одной страстью.

Родилась она в ту минуту, когда одному из них попала в руки книга Николая Озolina о прыжках с шестом. Патрика читала ее за полночь. Вот это спорт! Красивый, трудный и мужественный! Тренированные спортсмены с помощью длинного шеста взлетают на четырехметровую высоту. Можно разбежаться, упереться в шестом — и мигом очнуться на втором этаже школы или перелететь через забор любой высоты...

Друзья поставили на школьной спортивплощадке высокие стойки, насыпали гору песка. Долго выбирали длинную ярду, и хотят ее сушили, всасывали влагу, обстрагивали, чтобы это уело нарушить правила, чтением без опасности шест получился неуклюжий и тяжелый. И все-таки они прыгали, вычитывая из книги советы Николая Озolina и окресточно спору по поводу их толкования...

Теперь ребята стали рабочими, студентами. Были ли это временные, обычные в их возрасте? У четверых — да. У пятого — нет. Пятый, тот самый, который еще на школьном дворе перелетел с самодельным шестом над панкой на высоте в 3 метра 20 сантиметров! Этот пятый прыгает и теперь. Его зовут Ян Красовский. «Суровый», коротко сплошной парень, спокойный и уверенный в себе.

На посташеному, серьезно Ян начал тренироваться с конца 1957 года, когда был призван в армию и попал в опытные, чуткие руки тренера Владимира Ивановича Бранниковса. Бесконечные упражнения со штангой развили в нем необходимую для атлета силу. Занятия спиритом научили не-принужденному, плавно ускоряющемуся разбегу. Теперь легкий, упругий шест поднимал Яна все выше и выше: 4 метра 40 сантиметров — это третий рекорд СССР, этот — второй. Спартакиаде мордовии СССР — это был превосходный результат, выше мастерской отметки! А олимпийский год

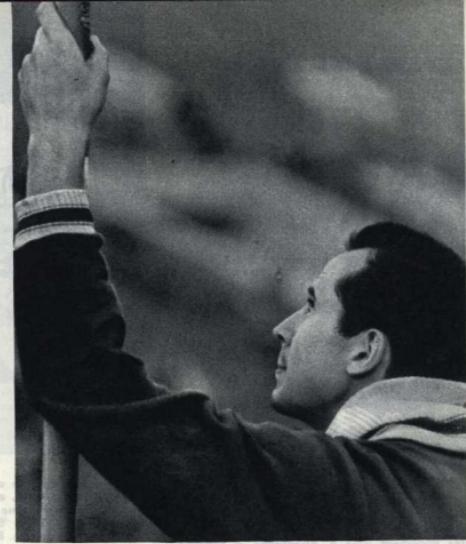

Фото А. Канаевича.

Ян начал великолепным прыжком в заполненном весенним солнцем Нальчиком. Он сразу стал претендентом № 1 на поездку в Рим. Ян взял высоту 4 метра 60 сантиметров, по праву заняв место в десятке лучших шестовиков мира, где раньше были другие ими. А в мае винницкая Спартакиада поражает стабильность результатов Красовского.

И еще одно. Ян стал бойцом. Я понял это, когда видел его выступление на легкоатлетическом майском матче в Туле. Ветер яростно трепал флаги республик, поднятые над тульскими Лужниками. В уютной чаще стадиона было потище, и только на сектор шестовиков, расположенный как раз перед гигантской фортиной-воротами, обрушился стремительный воздушный поток. Ребятам приходилось разбегаться на встречу ветру, а мера сама становилась 4 метра 40 сантиметров... Но вот все, что могли показать гимнастические прыжки Петренко, Гарин, Петров. Один за другим, отказываясь от борьбы, откладывали шест и, поглохавши, натягивали тренировочные kosty-

мы. На дорожке остался один Ян. Он боролся. В каждой попытке приходилось менять ритм и длину разбега, на планке все-таки поднималась выше и выше. И вот наконец судьи по просьбе Яна установили высоту 4 метра 65 сантиметров — выше рекорда Европы! Ян прыгал трижды и трижды, уже опустившись в яму со стружкой, видел, как планка падала вперед за ним. Не удалось!

Но следующее утро Ян сидел рядом со мной на опушке трибуны и, покусывая травинку, неторопливо говорил:

— Ребята рассказывали, что в Мельбурне тоже трудно было. Плохая погода, ветер, мягкая дорожка. Теперь я к этому готов. Вчерашнее даром не прошло. А европейский рекорд я все-таки побью.

Он сдержал слово. На личном первенстве Советского Союза — последнем предолимпийском соревновании наших легкотяжелов — Ян Красовский стал обладателем нового европейского рекорда — 4 метра 65,5 сантиметра.

А. ШАКИН

Рис. В. Суворова.

— Капитан, это опять
та же компания!

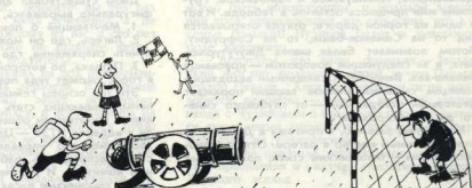

Рис. В. И. Караваевых.

Пушечный удар.

ЕСЛИ КОНЬ- ТАК ЧЕТЫРЕХ НОГАХ

Рисунок К. Борисова.

Когда разговор заходит об альпинизме, обычно вспоминают о замечательном мастерстве киркеев Типа В. Абалакова, о дарзик прошлогодних восхождений группы А. Снесарева по северной стене Чатын-Тау, о том, что на вершину высотой 3 тысячи метров поднялись 352 альпиниста спортсмена... Но, восхищаясь этим, нельзя умочьтъ о его недостатках нашего альпинистского движения, о его проблемах и нерешенных вопросах.

Почему предпринятое в последнее десятилетие захвание восьмитысячников (вершины выше 8 тысяч метров над уровнем моря) проходит без участия наших восходителей? Всего из 14 таких гигантов, которые насчитывают наша планета, осталась непокоренным только Шиши-Пангма. Обидно, что нет у наших альпинистов спортивной зависти в хорошем смысле слова. Они обязаны были завоевывать китайским спортсменам, всеми сколько лет назад начавшим заниматься альпинизмом, не уже сумевшим покорить самую высокую вершину мира — Домбомунту.

Почему в спальных, смельных, увеличенных перстах быть «москвичом» Ведь даже такое общество, как «Спартак», вовлекает в альпинизм... 10 человек в год. А ведь «Спартак» ежегодно тратит на развитие альпинизма, или, точнее, на содержание «альпинистской элиты» — свою сборную команду — больше 350 тысяч рублей!

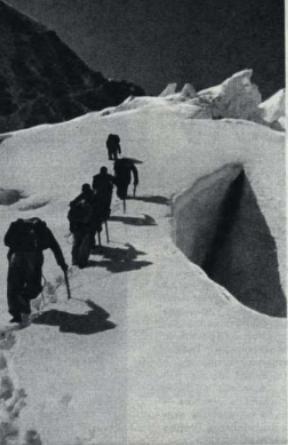
Ответы на эти вопросы нужно было искать на месте, в горах.

И вот летним днем, восседая на рюкзаке в кузове грузовика, я любовалась красотами гор, ледниками и снежниками, до которых было рукой подать, альпийскими цветами, что росли вдоль дороги, — непоговорим и всякий раз восхищающая природой Западного Кавказа. Я торопился в Домбай — один из называемых «горных городов» станиц.

К Домбайской полине склоняются три щучье-Деббасов, Аманаузский и Алибекский. Грузовик мне пришлось оставить в Теберде. И вот я один на горной дороге, откуда открывается вид то на Самене-баши, то на Софрудже. Потом возникает белая шапка Джугуртилупчата, а за следующим поворотом — красавица Белала-кая. Вечерает. Освещенные заходящим солнцем снежные покровы вершин поражают цветовыми контрастами — от глубокого синего до нечто-розового.

Когда, уже затянуто, я прихожу в Домбай, то вижу огромный костер в лагере. Оттуда доносятся песни — тихоновские стихи, положенные на музыку:

Путь любому к вершинам открыт,
Высоту кто любит бессстрашно,
Где звенят ледоруб и где сердце
звенит,
Где рождается дружба отважных.

...Шли дни. Вместе с альпинистами-новичками я слушал лекции, вместе с ними лазил по скалам. Я старалась не пропустить занятий на переправе, разбивку бивака, первую встречу новичков с ледником. Все виденное я аккуратно заносил в блокнот. И чем больше в нем заполнялось страниц, тем чаще некий мальчик-«почему» шептал: «Спроси: почему?»

— Почему далеко не все приехавшие в лагерь занимаются альпинизмом? Откуда в лагрях люди, которым спорт абсолютно чужд?

— Почему инструкторы и «участники» — разные касты?

— Почему, проведя отпуск в горах, только один из шести продолжает заниматься горнолыжным движением?

Поездка в Домбай убедила в том, что ответы на «почему» можно получить, лишь разбираясь в причинах этого альпийского хаоса, который царит в нашем альпинистском движении.

Дабы существовал альпинизм, необходимы, фигуриально выражаясь, три «компоненты»:

1. Мечтающий о покорении гор.

2. Лагерь, где он может жить, пытаться получить снаржение, где его будут учить.

3. Путевка, по которой мечтающий побывает в горах сможет туда поза�от.

Эти три основы сейчас искусственно расщеплены. Желающих стать альпинистами привлекают и спортивным обществом. Лагеря передали в ведение ЦТЭУ — Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС. Путевки распределяет фабрико-заводское управление, комитеты. И поскольку никто не будто имеет права на это, то и Иван Андреевич Крылов в своей басне о лебеде, раке и щуке.

Хотя в ЦТЭУ есть и отдел альпинизма и специалисты этого вида спорта, оно было, есть и будет хозяйственной организацией. Главное для управления — пропускная способность ла-

герей, ЦТЭУ ни перед кем не отвечает за количество подготовленных значистов, а тем более за рост спортивного мастерства разрядников. Креатуальный камень его деятельности — количество «жююнь-дней». А колы влез этот термин в спорт, спорту стало худо. Альпинистский конь получил серьезную травму.

К хромоте на вторую ногу альпинизм привел метод распределения путевок. Когда в связи с реорганизацией альпинистской работы ре-

шался этот вопрос, то было утверждено: «Путевки в алпелагеры выдаются профсоюзными организациями только физкультурникам, рекомендованным спортивными обществами». На самом деле все выглядят иначе.

В Одессе 250 юношей и девушек еще зимой прошли спасительный семинар, а весной попробовали свои силы в скаколынинге на крутых берегах Буга. Казалось, альпинистские путевки предназначены именно им. Но не тут было. Спутники из Одессы — Симферополь, Севастополь, Керчь — просили, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере 42-летнего альпиниста-новичка. А мастер спорта А. Поляков сталкивается с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

В Одессе 250 юношей и девушек еще зимой прошли спасительный семинар, а весной попробовали свои силы в скаколынинге на крутых берегах Буга. Казалось, альпинистские путевки предназначены именно им. Но не тут было. Спутники из Одессы — Симферополь, Севастополь, Керчь — просили, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере 42-летнего альпиниста-новичка. А мастер спорта А. Поляков сталкивается с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И встречаешь в лагере А. Полякова, стоящего с человеком, сбояненным таким спрашивающим:

Слово «путевка» не существует, чтобы при их распределении они не попадали по назначению. Просьба доходит до местного завода «Киниль». Здесь работает мечтающая об альпинизме копировщица Е. Пищенина. Но председателю завода пот. Полову до этого нет никакого дела. Ставя знак равенства между путевкой в альпинистский лагерь и путевкой в дом отдыха, он, как и многие другие председатели ФЗМК, вручает ее тем, кто, с его точки зрения, больше всего нуждается в отдыше.

И вот печальные итоги: количество альпинистов-разрядников в стране снизилось по сравнению с периодом, предшествовавшим реорганизации, на сорок с лишним процентов! Из 13 тысяч человек, приезжающих ежегодно в альпинистические лагеря, меньше половины получают значок «Альпинист СССР»!

«Дружба отважных!» Как хорошо об этом написал Николай Тихонов! Дружба отважных — первая заповедь в альпинизме. В горах без дружбы нельзя. Взаимопомощь, абсолютная вера в моральные и физические силы товарища здесь необходимы, как ни в одном другом виде спорта: ведь восходящий к вершинам человек — это своего рода вершина.

Кто должен обладать все эту новинку, впервые попавшую в горы? Конечно, инструктор. Это не просто учителя. Это воспитатели-наставники, советчики. Это и твой друг, который спит с тобой в одной палатке и вместе с тобой поет костра. Он такой же, как и ты, только он спортсмен, он старше и опытнее тебя.

Но вот инструктора «сделали» служащими туристско-экскурсионного управления. И он тут же лишился главного в своей работе — возможности видеть плоды своего труда. Раньше он из года в год воспитывал своего младшего друга, следил за тем, как его товарищи помогали добиваться высокого спортивного мастерства. Воспитание молодых альпинистов было делом торжественным. Теперь инструктор даже не знает, «заболели» новичков горами или, проведя двадцать дней в лагере, уедет оттуда и никогда больше не наденет штырмовки. Искажены общие интересы. Воспитание альпинистов стало делом, сугубо ремесленным.

Вместо того, чтобы в первую очередь показать новичку горы, отправляясь с ним на перевал — пусть постоит над трещиной или скальным камнем и, оглянувшись, увидит неповторимую красоту горного пейзажа, инструктор, привыкший к тому, что альпинисты говорят о горном уединении, столовом-таком, столово-лекции, новичок топчется у камня, по которому надо лазить вверх-вниз, вает узлы, строит переправы у ворот лагеря. И он не здесь никакой романтики, никаких эмоций! Из 108 часов, которые в течение 20 дней проводят альпинисты на занятиях, только 40 отведены походам и восхождениям. Вот и появился у нас «тип альпиниста», который ходит как инструктором». Он не научен самому главному — любви к горам и пониманию гор: ведь учат-то его в основном на пропагандистской лужанке!

Есть реальные возможности вылечить хроническую недостаточность альпинистов, но для этого необходимы конкретные меры.

Всё чаще и чаще раздается голоса за возвращение альпинизма на старые организационные рельсы. Мысль эта далеко не верная. Надо не возвращаться к старому, а искать новые пути. Самый правильный из них, на наш взгляд — создание «Добровольного спортивного общества альпинистов». Не следует при этом бояться, что у нас нет общества по отдельным видам спорта: альпинизм — спорт специфический. Но новое спортивное общество должно сконцентрировать всю свою работу по альпинизму. Его создание позволит собрать воедино разрозненные начинания различных альпинистских «компаний» этого вида спорта. Ему будет дана пропаганда за возвращение в альпинизм тысяч и тысячи юношей и девушек. При нынешней же структуре заниматься альпинизмом фактически не имеют возможности миллионы тружеников колхозного сезона. А какой это замечательный резерв для альпинизма!

Новое спортивное общество сможет повести действенную работу по повышению спортивной квалификации альпинистов. Оно сможет всерьез заняться проблемами производства альпинистского снаряжения. Новое ДСО — это самое главное — развернет борьбу за поиски новых горных путей и горных восхождений.

Организация ДСО альпинистов не потребует дополнительных ассигнований. Надо будет только средства, которые расходуются на этот вид спорта, с одного банковского счета переложить на другой.

...Мне было жаль расставаться с горами. Жаль потому, что я люблю их. Горы требуют, чтобы, придя сюда, ты отдавал им свое сердце и свой разум. Они не прощают разнодушию никому. Даже высокояортитенным организациям...

Домбайская поляна — Москва.

ПУБЛИКАЦИЯ «МЕНЫ»

А. КУПРИН

Рисунки Б. Лаврова.

Среди множества произведений, созданных выдающимся русским писателем Александром Ивановичем Куприным на протяжении его почти полувековой литературной деятельности, немало таких, которые неизвестны современному читателю. Это, например, романы о героях гражданской войны, о событиях далекой эпохи, о которых писатель никогда не включавшийся автором ни в один из его сборников, во вторых, рассказы и очерки, написанные Куприным в годы эмиграции, на чужбине, и до сих пор не публиковавшиеся, а также некоторые поздние произведения, не вошедшие в официальное издание в последние, законченные два года назад, набиологическое собрание сочинений писателя, наряду с впечатлениями второстепенными и малоизвестными, встречаются и подлинные жемчужины куприанского творчества, достойные внимания не только специалистов-исследователей и широкой публики.

Больший интерес представляет, в частности, рассказ Куприна «Жрец», датированный апрелем 1905 года, помещенный в июле того же года в газете «Наша жизнь» и теперь впервые снятый с персидского языка.

Рассказ этот, созданный вслед за тем, как были написаны последние, заключительные главы наиболее значительного произведения Куприна — повести «Поединок», основанной тем же гневным, непримиримым отношением писателя к миру сильных и самодовольных, к лицам, ради которых он и жил, — вышедшей из народных низов талантливого врача Чудинова Куприн пленяет этот грозный и порочный мир, находит для выражения своего негодования разные приемы. Так, например, в рассказе «Хорошее общество» — рассказе, написанном в те же годы,революционного подъема рассказами «Коры» и «Хорошее общество» — рассказ «Жрец» — ярко воплощение ненависти Куприна к разлагающимся представителям привилегированных классов, его горечи симпатии к людям из народа, которые всегда оставались главными героями произведений писателя.

В. АФАНСЬЕВ

Доктору Чудинову надела его городская клиника, верхнюю албомную, врачебную амбулаторию, оптический и сама пациенты:ῖзвы болезни, истощенные, бесплодные, старые, уже привыкшие, уныло покорные. И все они казались Чудинову ужасно неожиданными, первозданными, с детской наивностью, которая так не шла к усатым взрослым лицам.

Когда-то эта беспомощность умилала доктора, заставляла работать; теперь же он, встретив гипнотико-доверительный, воплощающий взгляд больного, не делал гримасы и кричал:

— Я не господин Бог, поймите вы это раз навсегда. Я — врач, у меня лечебница, а не спасибо-капельница. Каждому из вас я сто раз говорил: не пейте, даже не вдохните вина!

Но это... Но это... радужные...

Слыхалось, что он бывал на пасхальной инструкции, женщины говорили дерзости. В больнице его раздражал острый запах юморфума. А разные ему привыкли, и жалуясь на него Чудинов говорил, крепко потирая руки:

— Это потому, что вы не врачи. А я знаю его и говорю: это здоровье, здоровье... Слышишь этого затык — и работает хочется.

Порно на Чудинова испадала тяжелая, тупая ханда, грудь давила тошнотворное, ионочее чувство, и он проклинал свою известность, которая сделала его одиночкой.

«Отчего это у меня?» — недоумевал Чудинов и, боясь дать себе давно изрезанный у него

определенный ответ, принимал бром, успокаивал себя, что он заработался и все это пройдет, как только он сядет за границу. Поддается мыслим ему было не с ком, так как странном показалось бы и бесподобно, чтобы бы знаменитый Чудинов, «авторитет», вдруг начал жаловаться на скучу и неудовлетворенность в жизни.

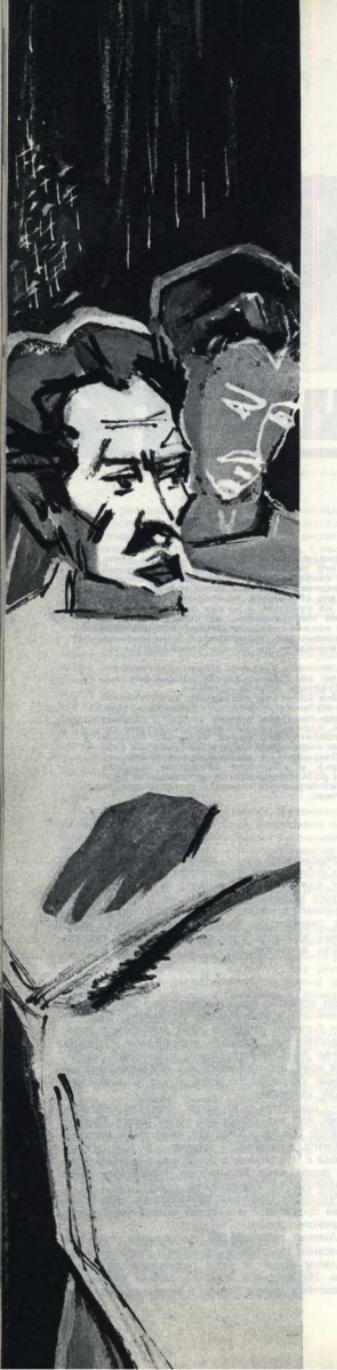
II

Во вторник на страстной его позвали на консилиум к умоляющему паралиптом. Посенече богатого, знатного дома доктором с таким известностью, которой пользовался Чудинов, могло быть покориющим, и молодой домашний врач, привлекший его, объясни, что для сына большого Чудинова будет в некотором роде инкогнито.

— Допустим, что ваша фамилия — Заславский, — сказал паралиптом, — ваша жена — Надежда Павловна... Хоть это и вина, и не понимается, вероятно... — говорил молодой доктор, входя с Чудиновым в бесшумно распахнувшуюся перед ними гигантскую стеклянную дверь полемда на Сергеевской.

Чудинова охватила плавнявшая ему с детства прозрачная и пахучая атмосфера богатого барского жилища.

Лениво потягиваясь, от камня поднялся красавец пойтер и доверчиво потянулся ходячим носом в руки разделавшихся докторов. На овальной вензеле, между ротондами, жакетами, висела паштика в металлических нож-

нах, несколько воинских шинелей. Одна — с красной подкладкой и кантами, другая — с вензелями на погонах и орлами на пуговицах.

И это издававшее аромат, брошенное на вешалку платье, странным образом возбуждало мечтательность, говорило Чудинову о владеющих вещах — беспечных, богатых, вероятно, веселых. Оттого, что он не видел их лиц, они представлялись ему интереснее, ярче, тищичнее, и у Чудинова шевелилось чувство, близкое к зависти: почему он сам не гусарский кирасир, конечно красивый, имеющий успех у этих гауптманов, но интересных светских женщин. Подымаясь за лакеем по ковровой дорожке, закрытой полотном и притянутой к отогнутой лестнице бронзовыми прутьями, Чудинов думал:

«А все же ты зовешь меня...»

И то, что он являлся мястью за эту праздную, дразнящую его по временам, беспечную жизнь, служило ему злорадным удовольствием.

Чудинов поймал себя на дурных мыслях и подумал то, что часто думал за последние времена: да, это старость подходит... преждевременная старость в 45 лет. Раньше все было впереди, теперь нечего ждать, и организм требует грубых удовольствий, простой, несложной жизни...

Чудинов поймал себя на дурных мыслях и мебелью и зеркальами, молодой коллегой Чудинова сказала ему: «Одну минутку, я сейчас и бесцеремонно скрылась за портьерой. Не знаю, что ему делать — стоять или сесть». Чудинов ожидал минуту пить. Постепенно приближался, посыпалась разговором вполголоса, шелест юбок, и с молодым врачом пошли к Чудинову волна высокая девушки в черном, с той уверенностью манерой держаться, которая дается воспитанием.

— Простите, маман не совсем здорова, — заговорила она, подавая Чудинову руку без замедления и просто, как здоровяются с людьми, познакомившимися по делу.

— Я не знаю, право, как быть... Папе теперешнего улучше, он уснула, и доктор Штроп не ведет его будить, но маман, если вы позволите, имеет спокойствие, обрадовать моего большого брата, может быть, пока папа проснетесь, вспомните о это время...

Чудинов уловил и сдержанно поклонился.

— Тогда прощайтесь... Привычный движением поясом ботинка она откинула длинное, завернувшееся наперевес платье и, подобрав его, пошла впереди, легко поступившая хабуками.

У Чудинова мельнула мысль, зачем она нужна, когда здесь домашний врач, но сейчас же он понял, что это просто то любезность, по которой его не желали заставлять ждать и выдумывали еще больного.

Незаметными, сделанными под обом дверями они вышли из зала и по трем ступенькам спустились в темный коридор, далеко асенившийся в глубину здания.

Потолок здесь был ниже, и Чудинов вместе с каким-то закутанным запахом краски и старой мебели, или рядом с молодой девушкой, ощущал острый, дразнящий аромат сильных аухов, и беспокойное чувство, которое они собирали, усиливалось шелестом юбок.

Чтобы объяснить некоторую дальность пути и подготовить доктора, она говорила:

— Я должна сказать вам — брат мой всегда болен, то есть он болен от рождения... Он страдает слабоумием: идиотизмом... — говорила она с рассеянной любезностью, ясно погадавшая в глаза доктору, и так просто и спокойно, как сообщают о насморке, лихорадке.

Чудинов с учинившей готовностью в глазах покачивал при каждом ее взгляде головой, точно ему очень приятно было слышать, что брат его шупрился, шупрился, и что эти различные духи собеседницы страдают идиотизмом.

— Раньше он был очень спокойным, — говорила она, — теперь же несколько месяцев страшно волнуется. Маман очень встревожена. Если так продолжится, ей придется отправляться в лечебницу. Недавно укусил за руку сиделку... Вот здесь, направо...

Свернули еще в полутораметровый боковой коридор. В конце его желтым пятном светила лампочка. Здесь уже тинуло холодом, пахло крысами и чем-то подозрительным. Откуда-то из глубины коридора неслись странные рыкающие

звуки, и чей-то визгливый женский голос не то браня, не то убеждая кто-то.

— Он странно беспокоится... — оправдываясь за помешение, говорила барышня, передергиваясь от сюрты плечами. — Иногда ужасно кричит. Рыканье вперемежку с каким-то поросичиным визом послышалось блажко.

— Бедите, чём-то недовольны... — сказала она, остановившись у двери, и поступала в светлый квадрат стекла, завешенный белым.

В двери всплынула женская голова в батистовой накидке.

— К вам можно? Я с доктором...

Голова исчезла, и через несколько минут дверь распахнулась, и открывшая ее сидела похожа на барышню Стасину.

Вопиющих объекта спиртной кислоты лицо, и самодовольно Чудинов непринято тронул мысль: «Как мало эта девушка интересуется им как человеком, как женщиной, если без особой нужды сама привела сюда».

У стола, привинченного к полу железными копчками, в кожаном потрепанном кресле сидела спиромия голова, подвздымяла салфеткой. Рыканье замолкало, и в щепетиши вились два белесых глаза, казавшиеся страшными отсутствием ресниц и бровей. Широкий, прямо разрезанный морщиной рот раздвинулся, обнажив желтые, кылковатые, лягшие вперед зубы, голый подбородок блестел слоновой. На полу лежала сиделка в синем платье.

Рядом с креслом сидела стул, служивший крепким парнем с осоловевшим, гаупту смущенным лицом. И на нем, и на сиделке, и на всей грязной, покрапанной, упрощенной обстановке лежал отпечаток какой-то обособленной, беспарной, не своей жизни. Казалось, эти недородные лица присущи заражены были беспутством и отверженностью, живущими в этой комнате...

— Ну,здравствуй, Дима, — утирая рукою велено заговорила сестра, первой направляясь к брату. — Что ты, ужинай?.. О немного понимает, — тоном демонстрации сказала она, обрачиваясь к Чудинову, и вслед за этим рыкнула наполнила комнату.

Идиот тунулся в сторону, вскрикивая, в промежутках между рыканьем.

— Ай, ай, баба, баба... А-х-х-х...

— Что он хочет? — тревожно спросила девишка, обращаясь к сиделке.

— Вот, как видите... — отметила сиделка, — целый день сяду нет. Сегодня с утра связанный сидит...

— А вы давали то, что я вам оставил? — изобличенно спросил домашний врач.

— Да как ему давай? Видите... — Гры, гры, давай баба, баба... — кричал идиот.

Он скатился со стola словно змея, змалевированную чашку и бросил ею по столу...

— Григорий, возьмите же чашку... Да что вы смотрите?

— Даи, даи — гры, гры. Дикий гик наполнил комнату, мешая говорить.

Ну зачем же сердитесь, не надо кричать... — говорила молодой врач, подходя к больному, но голос его раздавался слабо, заглушаемый, как на улице.

Идиот, обходя врача, тунулся к сестре и был под столом ногами. Врач пожал плечами и воспротивился посмотреть на Чудинову...

— Я думаю, пока он не успокится... без горячичной рубашки не обйтись... ведь он весь избрасывается.

Чудинов подумал что-то свое, и не отвечая колено попросил выйти сестру идиота и сиделку.

На минуту идиот умолк, большая голова, как зловонная кука, поворачиваясь, лицо чего-то газом... Потом, разделась сорвавшейся пронзительною визой, идиот уперся в стол ногами, и тяжелое кресло опрокинулось вместе с ним набок...

Давай еще полотенец! — кричал служивою молодой врач, барабанясь на полу с пытающимися подняться идиотом. — Нет, он положительно становится опасным... — говорила запахивавшаяся доктор, опираясь сломанными монжетами, когда идиот связал и вкатили в смежную комнату. Оттуда слышалась придущенный, задыхающийся сто... — И синица какая.

— Сколку ему лет? — спросил Чудинов.

— Кажется, двадцать... Вы полагаете, что это...

— Убежден даже... Женскую прислугу во всяком случае надо убрать.

Чудинов не договорил, как в коридоре засыпалась встревоженные голоса, дверь распахнулась, и из нее выбросился бледный лакей в странне не идущем к этой обстановке коричневом фраке с золотыми пуговицами.

— Пожалуйте к барину. Очень худо... — проговорила он перевода ляжки.

С той изобличающей безмерностью, с которой врачи держатся в квартире умирающего, они шли через комитат, где суетились люди и смыкались испутанные шепоты.

Чудинов торопливо, с яростью, сколько этого требовало мгновение, шел за своим коллегой и по временам думал, что все это глупо, не нужно и напрасно он поехал на этот консилиум.

К комнате, предшествовавшей помещению больного, Чудинов по смежку склонился, жен скому истерическому плачу и по тому, как лакеи с галущими, подделанными под испуг антами свободно входили в дверь, откуда несло лекарственным, поник, что все очевидно. Батюшка с растерянным лицом снимал шаптихали. Что-то вынырнуло и просили посторониться.

К домашнему врачу подошел молодой гвардейский офицер.

Он закрыл глаза, кивнул головой и проговорил:

— В месте светлом, в месте злачном... Второй удар во мне, и его даже не успели приобщить... Бедная Энина, она так любила отца...

Молодое лицо офицера сплошь сдергивалось, лицо было бледное и, казалось, говорило: «Да, вот бывает же так, что умирают люди». В раздражении офицер два раза взглянула на Чудинова, покраснев и нерешительно качнула корпусом. Потом ниже наклонила голову и, точно от удара пистолета, быстро повернулась и отошла.

Чудинов, видевший много раз этого человека в своем кабинете голышом, смутился тяжелым неоловином смущением пожилого солдата-человека.

Понесущий без нужды в кармане стетоскоп, он беспомощно посмотрел на молодого врача.

— Выведите меня, ради бога, из этого лабиринта... — сказала он упавшим голосом.

— Сейчас, сейчас... — шепотом ответила тут, ища кого-то глазами.

В комнату вошла толстая заплаканная дама. Всхлипывая, нюхая спирт, она в то же время становилась приказанием падшим за нее аллеям.

Также, как и офицер, она была одета в кой-как, знала что-то, никаким, и дама торопливо опустялась руку в карман, Чудинов понял, что это задерживают, желая уплатить за пристава.

И как в первые времена своей практики при получении гонорара, он вдруг почтительно музгательно горячий стоял. Сморщившись, взявшись голову в пласти, он отпернулся и, стиснув зубы, облитый теплом внезапной прости, подумал: «Проклятая... отвратительная профессия, подлая, гадкая. Всем людям за их труд платят открыто, как следует, а здесь суют в руку крадущиеся, неспешно бумажки и конфузятся чего-то. Да и за что мне здесь платить?»

Решивши не стесняться, он круто повернулся и, глядя под ноги, пошел к выходу.

В той сумотеке, которая бывает в домах, где только что умер человек, на Чудинова никто не обратил внимания, и оншел, большой, высокий и мрачный, с таким видом, точно решив прийти вского, кто станет на его дороге.

В знакомом Чудинову зале у реки на никзенском табуретке сидела девушки, сестра и Сестричка, они закрылись пальтом, и стоя и лежа ее задраивали. Возле стояла офицер и в замешательстве, не зная, очевидно, что ему делать, время от времени касалась рукой волос девушки.

На лестнице Чудинов усыпал за собою торопливо бранчивые широп и, обернувшись, увидел покрасневшие, робкие и просьбные глаза.

— Ради бога, доктор, — проговорил, захлебываясь и дыша, офицер, — когда я могу вас видеть?

Чудинов осмотрел его с головы до талии тяжелым, неизрекенным взглядом и глухо сказал:

— Зачем?

Офицер заволновался...

— Ах, доктор, мне очень, очень нужно с вами поговорить.

Чудинов повернулся и уже, не обращаясь, сказал:

— Если очень нужно, когда хотите, сейчас, завтра...

III

Когда Чудинов по вечерам возвращался домой, его всегда неприятно настраивала темнота и безлюдная гулкость огромной квартиры.

— Точно дело какое, — сердился он на свое жилье.

Медля раздеваться, он обыкновенно просматривал в передней корреспонденцию и визитные карточки и недовольно бросал старшую-дядечку:

— Говори, не пускать этого боливого; или: зачем мне присыпать обывателям о всяких дешевых предметах и зеленных лавках? Выбрасывать к черту! — И чем терпелинее была слуга, тем больше сердился хозяин.

Переодевшись в просторную серую тужурку и меховые туфли, Чудинов велел заточить камин и принести чай. Потом достал из гардероба музикальный ящик, долго перебирал желтые першевые кружки пись и поставил «Дунайские волны». Это развлечение Чудинов придумал себе в последние времена и почему-то стеснялся его даже перед прислугой.

Медленно, трепетая, вспыхнувшая, похожая на булавку дождевой воды, напоминало Чудинову тубереский городской сад, где он гулял семнадцатом, рождественские вечера в общественном собрании и многое другое, чего он рано не знал и считал обычайвенным, а теперь эти воспоминания вызывали в нем щемящую сладкую грусть.

Однажды, осматривая светскую барышню, перенесенную, растрескавшуюся, с распухшими от слез глазами, Чудинов вдруг поднял голову и серьезно спросил:

— Вы какими духами душитесь? — Этим вопросом он удивил и себя и пантирам, а потом купил фланков опониксу и по вечерам, слушая «Дунайские волны», сидел и пахал надувшись плащом.

В такие минуты Чудинов думал: «Сколько лет это было назад? Насчитывала двадцать два, двадцать пять, сбивалась и опять считала. И, мысленно пересчитывая вновь длинную вереницу годов, он невольно подводил итог тем радостям жизни, которые он постепенно терял».

Вот скоро пасха... Как это было радостно в прежнее время и как безразлично теперь! Пасхальная ночь... такая веселая, бесконойная ночь. А канканы, почеки на сеновале... Вспоминался ему первые студенческие годы. На вакациях он жил однажды у добрых стариков-помещиков, приготовлявших их внука в кадетский корпус. В комнате, которую отвели Чудинову, в окнах наискуснее были заслонены, в то время старые, в алюминиевых рамках с золотым бордюромчиком, настораживающие к Евгению Онегину. Здесь всегда пахло сухими васильками, ореховой оклейкой мебели и чем-то старым, удивительно покойным. И часы тикали, как будто говорили: здесь хорошо, здесь хорошо».

Утром, с первыми лучами солнца за окном, на бузыне и кустах сирени воробыши подымали возно. Было еще рано, стоял утренний холод, но Чудинов вскакивал с таким чувством, как будто боялся что-то пропустить. Часто, не одевшись еще, радуясь своей молодости и ионийским светлому утру, он откладывал по комнате трепака и потому, улыбаясь сам себе в зеркало, направленное в облучившуюся раму красного дерева, говорил:

— Вот дурак, не правда ли?

Да, вот и все. А потом тяжелая ляжка, жаркий труд, греческие кукистические и одиночества, одиночество, одиночество... Тенерем уже под пятнадцать, он известен, деньги, при желании, потекут к нему водопадом, но у него нет ни друзей, ни близких, даже нет просто хороших знакомых. Но, что другие тратят на устройство своего личного, теплого логова — энергии, смелости, молодости, даровитости — он отдал «святому служению науке».

Да-с.

Волны Дувра от края до края,
Тихо играя тихо спекся...

фальшивом, в нос, с какой-то горькой злобой
мурлыка Чудинов.

Дамка в пижаме затрещала звонок. Чудинов подскочил, как усмехнулся, что ладонь разогревается с тем-то посторонним, поспешно спрятал музикальный прибор в шкаф. Обыкновенно, бывая по вечерам дома, Чудинов отдавал приказания никого не принимать, так как на самом деле это была одна форма, так как на все звонки он выходил сам. Бессознательно ему казалось, что среди этой массы ожидающих его посетителей, проящих, спрашивающих, он пропустит кого-либо интересного или просто нового. Так, однажды к нему привел старый священник, его товарищ, в другой раз его спичечник, инженер.

Старик-лакей выпроваживал уже посетителя на лестницу, когда в переднюю вошел Чудинов и недовольно спросил:

— Кто там?

Из дверей с Чудиновым смущенно раскалился молодой врач, возивший его на консилиум.

— А я думал, офицер,— сказал Чудинов.— Что ж, входите.

Раздеваясь и чего-то конфузясь, доктор объяснил, что он привез гонорар и приехал «собственно на минутку».

— А я предполагал, что ваш покойный воскрес и вы опять собиряете консилиум,— попытался сопротивляться Чудинов, но вышло тяжело и иронично... Молодой врач удалился из приличия и протоколом начал объяснять конечную причину смерти его пациента.

Выходило так, что его в чём-то не посыпали, сделали горячие ванны, и оттого смерть наступила раньше, чем следовало ожидать.

Чудинов долго смотрел на гладкий лиссесий обод молодого доктора, на его усталое, недоровное лицо и вдруг, перебивая его речь, спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы были в Италии?

Доктор не ожидал этого вопроса и потому, осекнувшись, почти с тревогой спросил:

— Нет, а что?

Чудинов помочился, побарабанил пальцами и потому, уже ответив:

— Хорошо там можно было...

Доктор, внимательно посмотрев на Чудинова, чтобы не удивить наизусть, спросил:

— Вы тоже не были?

— Не было...

Помчакчак...

— За границей я был только в Германии,— начав молодой врач, но Чудинов перебрал его с насмешливым отголоском в глахах:

— И, конечно, учился?

— Да, я слушал у профессора Вагнера и работал в Берлинской королевской клинике... Чудинов шумно вздохнул и возбужденно заговорил:

— Пожалуйте, вы говорите все не то. Скажите лучше вот что. Вы сколько лет практикуете? Десять, двенадцать? Всемень!.. Ну, это все равно. Скажите мне, пожалуйста,— искренне только скажите,— зачем вы все это делаете?

— То есть что делают — испуганы и недовольствованы спросил доктор.

— Ну вот еруда, там по больным, лечите или работаете в клиниках и прочее...

Доктор покраснел плачевно и, запинаясь, перешел на противоречия:

— М-м, я, право, не совсем хорошо вас понимаю, Варвара Дмитриевна. То есть я, как это сказать, я люблю свою науку.

— Ну какую же науку,— закричал Чудинов,— это давно всем известно, что наше дело пользуется только услугами науки, а само по себе ремесло, высшее, может быть, но все же ремесло...

— Я с вами не согласен...— осторожно вставила доктор,— мнение, которое только что вы сказали, действительно, в последнее время...

— Да что там мнение,— грубо перебил его Чудинов,— вот вам лучшее доказательство неизучности медицины: всякая наука имеет свою философию. Скажите, пожалуйста, какая философия у медицины?

— По-моему, очень большая и, если хотите,

на мой взгляд, этически-нравственного порядка.

— Так,— сказала Чудинова, кротко останавливаясь перед своим собеседником. Как человек долго и мучительно лурманил об одном предмете, он не следил уже за мыслью говорившего с ним и только хотел высказаться.

— А я пот, как старый врач,— продолжала она опять, запахивая по комнате, обычно всю свою философию, которую я вынес за двадцать лет моей врачебной практики. Я буду говорить просто и кратко, вы же пограйтесь.

Я не знаю, как у других там было, а у меня тек: никакого признания у меня в медицине не было, да и сомневалась, что оно у кого-нибудь вообще было. Так выбыл медицинский факультет, потому что нужно было что-либо выбирать. Учились я из самолюбия, занитетересовывая себя технически, как шахматистами. Из самолюбия же решала во что бы ни стало добиться чего-либо. Ну, потому все окружавшее понемногу давливало мне в голову всякую труху: «плоть ближнего», «страдания больного брата» и проч. И вот я пошла этой дорогой с добровольством старого врача, а когда прошел ее почти всю, то вдруг увидела, что меня обманули. Обманула жизнь, обманули люди, и обманули самым молчанинским образом.

Казалось так, что чем больше я отдамся, тем больше мне дадут. Астроному, философу, математику удалялось хотя тем, что он то-то побеждет, проникает в области, возвышающие душу человека. Скажите, что дает врачу медицина?

Я всю жизнь только лечила, лечка и лечка. По лицам этих больных людей я видела, что они живут своей счастливой личной жизнью и приходили просить меня: «возьмите меня и напишите мне о жизни».

И я писала, и писала, и продолжала лечить без конца, а сама жизнь уходила безвозвратно. И вот уходила.

Чудинов остановился, подрагая себя за клок серых седеющих волос и повторяя:

— Ушла... А человек живет только раз.

— Вы скажете,— заговорил Чудинов тише и спокойней,— почему я не сочтала свою личную жизнь с вашей так называемой наукой.

Потому, что я был очень добровольным ученым — это раз, а второе — я очень любил жизнь и поэтому боялся ее, как врага науки. И я продала жизнь за какой-то призрак. Я банкир, раздавший все по долгам и ничего не получивший обратно. Зачем я вожусь, пачкаюсь с этими гнилыми дохлыми людьми, моими пациентами? Чтобы они воспроизводили на свет идентичных подобных тому, которого мы с вами только что видели... Кто этот офицер, который говорил с вами,— синий покойного родственника?

— Это жених дочери,— печально и глядя на Чудинова, ответила доктор.

— Так, так. Я и думал... радостно закричал Чудинов. — Вы врач, и я вам скажу — ведь это тоже мой пациент. Понимаете? Так вот, не угодно ли, миленько погодомеяться, а, не правда ли? Так зачем же, скажите, зачем я этим мерзякам жизнь-то отдал? Чтобы сделять их способными распллюзть идиотов.

В это время опять затрещала входной звонок. Чудинов пошел в переднюю, а молодой врач, смущенный всей этой неожиданной триадой знаменитости, нерешительно взялся за папку.

Стоя посередине, он изображал изображения холода, смысла, как Чудинов, погибши головой, начал кричать на кого-то, потом закончил:

— Вон... Сию же минуту вон!

Входная дверь хлопнула, и Чудинов возвращалась усталый, бледный, с опустившимися удали, туб.

— Я, кажется, разваливалась и надеяла глупости,— сказала он упавшим голосом.— Сейчас выгнал этого офицера...

По настоянию молодого врача Чудинов лег в постель и прикрыл брови. Прощаясь с коллегой, он задержал его руку в своей, чтобы смягчить все смыслившее им, сказав, криво умоляясь:

— Жрец сошел с ума. Пожалуйста, напишите все это зону, а то он, если доброго, еще на дузль меня вызовет.

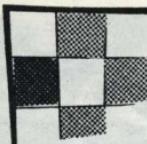
Еще одна победа советского кинокомиссара на Международном фестивале в Карловых Варах, еще одно завоевание молодых советских режиссеров. Георгий Данелия и Игорь Таланкин за фильм «Сережки» присуждена большая премия — Хрустальный глобус.

Кто же они, счастливые обладатели этого «волшебного» глобуса, как пришли в кинематографию, как начали свой творческий путь? Такие вопросы приятно задавать при знакомстве с героями дня. А они, несомненно, самые молодые режиссеры.

«Беседа с постановщиками «Сережки» происходит в рабочем кабинете Георгия Данелия, в том самом кабинете, где авторы фильма вместе с писательницей Верой Пановой, по повести которой создана эта кинокартинка, провели немало трудных, тревожных

Этот

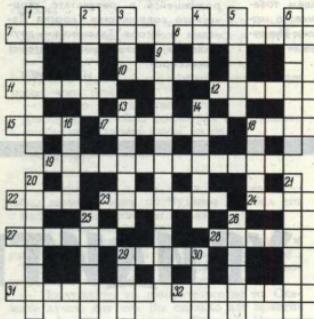

ШЕДЕВР ЮНОГО МОСКОВИЧА

В первом матче Ботвинник — Талья на Всеесовинские соревнования в Москве сражались талантливые юные шахматисты из различных районов страны. В результате упорной борьбы победу одержал юноша под ником «Любитель» и звание чемпиона Советского Союза среди юношей завоевал юный мастер спорта по шахматам А. Шмит. Успешно выступили в турнире такие кандидаты в мастера москович А. Кунин и претендент на звание мастера Д. Днепровецова. В Западной Армении побеждены были юноши из Армении.

Приводим эффективное очечивание одной из партий юношеского первенства:

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция журнала «Смена» переехала в другое помещение.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская ул., д. 2-в.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Коммутатор 1-70-20.

Для спортивных — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-53; науки и техники, сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Положение, которое вы видите на диаграмме, составлено Юрием Кунином — Башкирским. Первое впечатление такое, что белые, несмотря на явную материальную перевес над черными, довольно быстро проигрывают, так как под темпом ладейных гамбита угрожают взять с сильнейшим матом. Совсеменно исконично выглядит, что краем якорят ладью и сами дают форсированым мат в неожиданном месте.

Последовало: 24. Л : e6!! fe 25. 7+! Kрe7 26. Fc7+ Ld7 27. Fc7# виду неожиданного матча черные сдались.

УВЫ, ПАТ...

Неписанное, но довольно распространено правило гласит: пат — привилегия начинающих шахматистов и составителей этюдов. Так ли это?

Михаил Иванович Чигорин, великий русский шахматист, участник многих международных турниров в Остенде в 1905 году с наставником и другом мастера Карлом Шлехтером, самым убедительным образом пересказал своего противника и принял патнюю индцицию:

Чигорин играл белыми, им легко добивалась победы. После 45. 16! Fе7 46. Fс4! происходила размен ферзей, и получавшийся пешечный и окончательно выигрышный для белых эндшпиль был наименован для черных. Однако Чигорин сделал самый интересный ход — 45. Fg6?? с целью сразу же разменять ферзей. К изумлению всех, он выиграл партию, черные отвечали 45... Kрa8. Оказалось, что черный ферзевым разменом из-под охраны короля, но без коня! коня! пришелся согласиться на ничью.

Случай, выступая на другом международном турнире Шлехтер сам пал жертвой этого этюда. Это случилось в партии с австрийским мастером Генрихом Фишером, когда в 51 хода белых из-под возникло абсолютно проигрышное для черных ладейное окончание.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ Ю. УРУШАНИЯ
(Ереван)

По горизонтали:

7. Знатная придиличница-града в Аистовом водородле.
10. Плюсногорье, старейший район хлопководства в Индии.
11. Традиционные сплетинные складки на китайских сундах.
12. Первый исполнитель роли Ивана Сусанина в опере М. Глинки «Хор Турецкого».
13. Живописец XVIII-XIX веков.
17. Растворитель-переводчик.
19. Советский скульптор.
22. Птица из семейства аистовых, живущая в Азии и Африке, вырабатываемая ручным способом.
24. Приток реки Амударья, Залев, крупнейший водохранилище в Китае.
28. Индустриальный центр в Узбекистане.
30. Пловдив, столица Болгарии.
31. Язык, на котором говорят, бегущий на короткие дистанции.

По вертикали:
1. Минерал, разновидность кварца.
2. Советский молодежный журнал.
3. Великий Стихионий и его стона.
5. Углеводород, ценный исходный материал для синтетических волокон.
6. Кривяка, описываемая точкой движущейся окружности.
9. Красивый, привлекательный.
13. Неизвестная часть речи в грамматике.
14. Поступок развязывающий конфликт.
16. Бык, скрывающийся в сомнениях.
18. Деревья с перистыми листвами.
20. Советский композитор.
21. Красивый почтовый учреждение в Дагестане.
23. Центр области, передовой по развитию животноводства.
26. Советский художник-график, живший в пушкинском финале XIX века.
30. Остров в Средиземном море.

П о р я д к о в а н и е с о б о р н и и
Ана Дмитриева, мастер спорта — одна из сильнейших тенистниц страны и мира.

Фото А. Бурдукова
Четвертая страница обложки: «Сюда придут студенты потру...»

Фото Л. Вородулина.
Рис. С. Мухина.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, Е. И. Рыбачинов, А. А. Сосин, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Игравший черными Вольф решительно покончил последним шагом — пешкой, полностью прозрачной ловушкой ходом «Л-б6». Не дав возможности противнику схватить пешку, Вольф выиграл партию гроссмейстером Ф. Маршала и Эм. Ласкером в 1924 году в турнире в Нью-Йорке.

Нетрудно представить, во сколько Вольфу стоило привести в порядок пешечную линию, чтобы подкрепление: 61. Крf3. Ласкер не препятствует переходу белого короля на «Л-б6».

Более последовательны: 62. Кр4 Fе6+! И Маршал убедительно показывает, что все пешечные размены, как мы,

Пусть же наша необъяснимая заслуга — то странные турнирные судьбы, которые позволяют утешением тем, кому ему довелось услышать из уст судьи, что «Вы проиграли противнику внезапный торжествующий вздох»:

— Пат!

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

5. Европа. 6. Компас.
9. Калории. 11. Ракета.
12. Каплер. 13. Планета.
18. Телец. 21. Веста. 26. Пегас.
20. Телес. 21. Веста. 26. Пегас.
21. Гелий. 27. Ломоносов.
23. Троян. 32. Альбатрос.
33. Гелий. 34. Водолей.
35. Полос. 36. Старт. 37. Ку-
зин.

По вертикали:

1. Орбиты. 2. Паралакс.
3. Экипажи. 4. Юпитер.
5. Венера. 6. Лапландия. 10. Тре-
ния. 14. Масевич. 15. Стре-
лев. 16. Козорез. 17. Неб-
ран. 22. Гелий. 23. Альбатрос.
24. Ковалевская.
25. Доплер. 26. Антон.
39. Космос. 31. Сатури.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

8. Тычинки. 7. Плавание.
8. Стендовая. 11. Рыбак.
12. Стремянка. 13. Гарда.
14. Копье. 15. Каноэ.
16. Мерта. 21. Борец. 25. Но-
вый. 26. Борец. 27. Бар-
рист. 30. Латынина. 31. Крис-
тиан.

По вертикали:

1. Вильгельм. 2. Цветы.
3. Нарцисс. 4. Ричард. 6. Чен-
чик. 7. Плаза. 9. Марафон.
10. Барбадос. 11. Вадим.
14. Гольф. 15. Забег. 20. Рог-
тман. 21. Хольба. 22. Байран.
23. Коринна. 27. Ларио.

По горизонтали:

А 06433 Подписано к печати 8/IX 1960 г.
Тираж 300 000 экз. Изд. № 2283.
Заказ № 2283. Формат бумаги 70×108½.
2,25 л б. л. 6,17 л. п.

Оформление В. Недогонова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 06433 Подписано к печати 8/IX 1960 г.
Тираж 300 000 экз. Изд. № 2283.
Заказ № 2283. Формат бумаги 70×108½.
2,25 л б. л. 6,17 л. п.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВСКИЙ

**РОЩАЙ,
НАША
РФТА!"**

СЛОВА ЮРИЯ КАМЕНЕЦКОГО

Темп марша

Пение

Ф.-п.

то, па, яички наши шине- ли- про-

спас

шай, каша ро, та, про, щай! зо, вут нас си, бер, сог, е

спас.

сос, им и е, ли, раз, доль, на, я, вола, приветный лягуш, зовут нас саберо

для поборьбы для окончания

сос, им и е, ли, раз, доль, вола, при, ях, мой Атак! вое, ж, да, ты труда,

Товарищ, мы сняли шинели;
Прощай, наша рота, прощай!
Зовут нас сибирские сосны и ели,
Раздольная Волга, привольный Алтай!

Вчера боевой нашей роте
Приказ отдавал командир,
А завтра в горячей и дружной работе
Покажет нам личный пример бригадир!

В суровых походах солдаты
Невест не забыли своих;
Привет вам, подруги, привет вам, девчата!
Встречайте, родные, гостей дорогих!

Нас к звездам ведет наша сила,
Мы строим в тайге города,
И знают народы: мы армия мира,
Мы армия мира, солдаты твои!

